

КИФА

И САМИ,
КАК ЖИВЫЕ КАМНИ,
УСТРОЯЙТЕ ИЗ СЕБЯ
ДОМ ДУХОВНЫЙ

ИЗДАНИЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

1⁽²⁴⁵⁾ •
январь 2019

«ТОЛЬКО ПУТЕМ СВОБОДЫ
МОГ ВОЙТИ В ПРИРОДУ
БОЖЕСТВЕННЫЙ ЛОГОС»

стр. 4

КТО ПОПАДАЕТ В ЯДРО
ПРИХОДСКОЙ ОБЩИНЫ

стр. 18

ПУТЬ К СОВЕРШЕНСТВУ

стр. 26

ТЕМА

ХРИСТИАНСКАЯ СВОБОДА

стр. 4–9

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU 12+

МИССИОНЕРСКИЙ ОТДЕЛ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ МИТРОПОЛИИ
СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРЕОБРАЖЕНСКОЕ СОДРУЖЕСТВО МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

7–9 февраля 2019 г., Екатеринбург – Ганина Яма

ПРАВОСЛАВНЫЕ БРАТСТВА В ИСТОРИИ РОССИИ: ЯВЛЕНИЕ ЕДИНСТВА В РАЗРОЗНЕННОМ МИРЕ

Феномен православных братств в последнее время всё чаще оказывается в сфере научных, общественных и церковных интересов. Ставшая традиционной конференция «Православные братства в истории России» с каждым годом привлекает всё большее число участников и выносит на обсуждение различные аспекты изучаемого явления: основные направления служения дореволюционных братств; принципы устройства и причины появления братств и духовных союзов после революции 1917 года; связь между братствами Юго-Западной Руси и последующими формами братского устройства церковной жизни и т. д.

Продолжая развивать заявленные ранее темы, организаторы конференции предлагают сделать центральной темой размышлений в 2019 году – историю православных братств и духовных союзов в период гражданской войны.

Содержание

ЯНВАРЬ 2019

~ Новость номера

Свято-Филаретовский институт поздравили с 30-летием | 2

~ Комментарий

Когда соединяются труды нескольких людей, появляется настоящая школа | 3

~ Имеющие надежду

Вспомнить и оплакать погибших | 10

Имена наших улиц | 13

~ Живое предание

Братский помянник | 16

~ Тема номера

«Только путём свободы мог войти в природу Божественный Логос» | 4

Её звезда многим светит и сегодня | 6

~ Экклезиология

Кто попадает в ядро приходской общины | 18

~ Гражданская война

Противостояние многотысячных армий | 21

Настоящих белых было слишком мало | 24

~ Преображенские встречи

Путь к совершенству | 26

Русский человек — кто он? | 30

Издание Преображенского содружества малых православных братств

gazetakifa.ru

КИФА

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина
Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва, ул. Покровка, д.29
Тел./факс: +7-495-624-92-50
Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г. Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 24 декабря 2018 г. Время подписания в печать: по графику — 9.00, фактическое — 9.00. Дата выхода в свет 4 января 2019 г.

Подписной индекс в агентстве Роспечать — 19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение»
Газета издается с октября 2002 г. Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
Сайт газеты: gazetakifa.ru

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине **predanie.org**;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-Press»: 11, Rue de la Montagne Sainte-Genevieve
Телефоны распространителей
Москва:
+7-910-421-64-60 (Анна Гринман),
+7-903-100-93-73
(Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81 (Анастасия Наконечная)

Архангельск: +7-921-073-32-76 (Надежда Макурина)
Вельск: +7-921-247-11-37 (София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35 (Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91 (Татьяна Благодарёва)
Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11 (Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)
США, Канада: +1-651-210-49-22, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

На первой странице обложки: Богоявление. Мозаика церкви Сан-Аполлинаре-Нуово, Равенна. VI в.
На четвертой странице обложки: Памятник новомученикам российским, Шуя.

Тема номера – христианская свобода – была выбрана нами не случайно. Она, пусть и не напрямую, соотносится с темой Рождественских чтений этого года. Но одновременно она не может не соотно-

ситься и со всей нашей жизнью, и со всей нашей историей. И поэтому все материалы, даже те, которые не вошли в рубрику «Тема номера», связаны с ней так или иначе: ведь и стремление построить сегодня общую, соборную жизнь

Церкви, и воспоминание о тех, кто в страшные времена нашей истории противостоял наступающему царству совсем уже безумного «кесаря», не могут не быть связаны с темой свободы и ответственности... **КФ**

Александра Колымагина

Н О В О С Т Ь Н О М Е Р А

Свято-Филаретовский институт поздравили с 30-летием

По материалам сайта СФИ

На Актовом дне СФИ. Ректор Института священник Георгий Кочетков, учёный секретарь Ю.В. Балакшина, первый проректор Д.С. Гасак

Ко дню памяти небесного покровителя Свято-Филаретовского института свои поздравления Институту и лично отцу-ректору направили председатель Синодального миссионерского отдела митрополит Белгородский и Старооскольский Иоанн; председатель Синодального отдела религиозного образования и катехизации митрополит Ростовский и Новочеркасский Меркурий; митрополит Екатеринбургский и Верхотурский

Кирилл; ректор Смоленской духовной семинарии митрополит Смоленский и Дорогобужский Исидор; митрополит Владимирский и Суздальский Евлогий; ректор Коломенской духовной семинарии епископ Зарайский Константин; ректор Российского православного университета игумен Пётр (Еремеев); ректор Тбилисской духовной академии протоиерей Георгий Звиададзе. Среди тех, кто поздравил Институт, народный артист России Сергей Юрский, историк и телеведущий Феликс Разумовский, профессор Института философии РАН Сергей Хоружий, профессор МГУ Ольга Попова, поэт Ольга Седакова, предводитель Российского Дворянского собрания Олег Щербачёв и другие.

Вот фрагменты нескольких поздравлений:

Из приветствия игумена Петра (Еремеева), ректора Российского православного университета, наместника Высоко-Петровского монастыря (Москва): Примите сердечные пожелания помощи Бо-

жией в деле просвещения и воспитания. Пусть Вашим воспитанникам опорой в учении и обретении духовности служит подвижничество служения Господу святых отцов, помогает многовековой опыт Православной Церкви. Желаем каждому из вас, чтобы Господь и Богородица помогли в трудах. Терпения вам и милости Божией.

Из приветствия диакона профессора Василия (Карла Христиана) Фельми (Берлинско-Германская епархия РПЦ): При Вашем институте издаются сборники материалов ежегодных богословско-практических конференций; альманах «Свет Христов просвещает всех»; издавался журнал «Православная община» и др. Для меня большая честь, что моя книга «Введение в современное православное богословие» тоже переиздавалась в Вашем институте. Она очень профессионально была переработана Вашими сотрудниками, и в данное время готовится её новое издание.

Это всё совершается Вашим огромным трудом и трудами Ваших сотрудников. Ощущается во всех этих успехах и достижениях особая милость Божия.

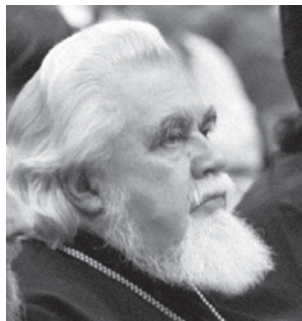
Из приветствия профессора Петроса Василиадиса (Элладская православная церковь), руководителя богословской программы аспирантуры Международного греческого университета (Салоники):

Позвольте выразить искреннюю благодарность Свято-Филаретовскому богословскому институту за внесение неоценимого вклада в богословское возрождение, за Ваши неустанные усилия по сохранению подлинного христианского видения, в особенности в Русской православной церкви, а также во всём мире... На наш взгляд, ряд конференций, организованных Вами на протяжении последних лет, в особенности конференция, посвященная православной экклезиологии, – это серьёзный вклад в титанические усилия нашей Церкви, направленные на её возрождение.

Когда соединяются труды нескольких людей, появляется настоящая школа

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная. Фото: Александр Волков

На Актовом дне Свято-Филаретовского института «Кифа» обратилась к нескольким гостям с вопросом: «За последние 30 лет появилось достаточно много выросших “снизу” богословских вузов, в том числе и наш институт. Как вам кажется, какое значение такие вузы имеют для духовного просвещения народа?»

Профессор протоиерей Николай Соколов, декан миссионерского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Это бесценно. Невозможно даже оценить то, что сегодня происходит, потому что это поистине чудо, как сказал о. Георгий Кочетков. Чудо нашей жизни. «Всё могу в укрепляющем меня

Иисусе Христе», – сказал апостол Павел. И я вслед за ним желаю всем: Духа не угашайте, Господу служите.

Алексей Старобинский, академик РАН, главный научный сотрудник Института теоретической физики им. Л.Д. Ландау, член попечительского совета СФИ: Я считаю очень важным, чтобы люди, верящие в Бога, и дальше правильно понимали, что нужно делать. Ведь их поступки имеют очень большое значение. И я вижу, какое действительно плодотворное и важное влияние оказывает Свято-Филаретовский институт на жизнь людей не только в масштабе Москвы и России, но и в масштабе всей земли.

Иеромонах Лука (Лисовский), заведующий заочным

отделением Смоленской духовной семинарии: Я считаю, что именно движение снизу было присуще церкви всегда, ещё с первых христианских времен. И когда учебное заведение живёт не казённым приказом, не директивой человека, заинтересованного в нём зачастую лишь формально, а рождено движением людей, помогающих друг другу в становлении, в совершенствовании, в образовании, только тогда это приводит к появлению настоящего учебного заведения и настоящей христианской общины, способной поделиться опытом своего возрастания с другими людьми. То, что строится сверху вниз, никогда не бывает долговечным. Даже если трудами одного человека получается хороший проект, зачастую после его смерти этот проект деградирует и приходит в запустение. Но когда соединяются труды нескольких людей, появляется настоящая школа.

Как, на Ваш взгляд, может строиться взаимодействие между различными богословскими вузами?

Самый простой уровень – это обмен преподавателями и обмен студентами. Это замечательная традиция, которая существует в мировой практике уже давно. Например, наша Смоленская семинария регулярно приглашает преподавателей Свято-Филаретовского института на небольшие курсы лекций. На неделю студентов снимают со всех занятий и 4–5 пар в день идёт только этот курс. Именно так А.М. Копировский читал у нас курс по христианскому искусству.

Важно и научное взаимодействие: участие в конференциях, обмен опытом.

Ну и, конечно же, существует «публицистический» уровень. Зачастую мы пользуемся трудами друг друга. Это тоже замечательный обмен опытом, который для нас, во всяком случае, бесценен. **КФ**

«Только путём свободы мог войти в природу Божественный Логос»

Наследие богословия русской эмиграции — это прежде всего откровение свободы

Божественную тему своего бытия личность осуществляет на основе свободы... Природа свободы не пассивна, но актуальна, действенна. Свобода хочет быть мощью, она в себе самой не имеет ограничения, свойство воли есть беспредельность. Она есть абсолютная жажда, она хочет всего и потому идет дальше всякого данного предела. И эта природа свободы одна и та же как в абсолютном, так и в относительном, тварном, существе. Творец почтил венец Своего творения, насколько оно в человеке возвысилось до духовности, т. е. до личности, Своим образом неограниченного бытия. Как носители свободы, люди суть боги, существа, потенциально предназначенные к обожествлению, способные излиться в океан Божественного бытия, а только подобное и одноприродное может сливаться и соединяться. Поэтому и природа соединяется с Богом лишь в человеке и чрез человека как существо природно-сверхприродное. И без наличности в мире этой формы божества, человеческой личности, невозможно было бы и самое боговоплощение, это наиболее интимное соединение Творца с тварью, а вместе и мирообожение, ибо только путём свободы мог войти в природу Божественный Логос и сделаться Иисусом Христом, Богочеловеком и Богом в природе. Вне этого пути, без этого моста, оставалась бы возможность только внешнего механически-магического воздействия на природу, обнаруживалась бы лишь Божественная мощь, способная творить и перетворять мир, но не та божественная любовь, которая раскрывается в самоуничтожении, в снисхождении до тварного естества, в воплощении Бога в человеке, а через него в мир природный. Тварная природа не способна была бы принять и вместить в яслях своих Невместимого, если бы ранее свобода этой природы не сказала: «се раба Господня, да будет мне по слову Твоему» и не открыла бы тем своё лоно для боговоплощения.

Протоиерей Сергей Булгаков

Обращаясь к самопознанию, которое есть одно из главных источников философского познания, я открываю в себе изначальное, исходное: противление мировой данности, неприятие всякой объектности, как рабства человека, противоположение свободы духа необходимости мира, насилию и конформизму...

Конфликт свободы и любви, как и свободы и призвания, свободы и судьбы, один из самых глубоких в человеческой жизни. Первая сильная реакция против социальной среды была у меня, когда я в самом начале своей жизни восстал против дворянского общества и ушёл в лагерь революционной интеллигенции. Но я с горечью увидел, что в этом лагере также не было уважения к достоинству личности и освобождение народа слишком часто сочеталось с порабощением человека и его совести. Я очень рано увидел результаты этого процесса. Революционеры не любили свободы духа, отрицали права человеческого творчества...

Человек может познавать себя сверху и снизу, из своего света, из божественного в себе начала и познавать из своей тьмы, из стихийно подсознательного и демонического в себе начала. И он может это делать потому, что он двойственное и противоречивое существо, существо в высшей степени поляризованное, богоподобное и звероподобное, высокое и низкое, свободное и рабье, способное к подъёму и падению, к великой любви и жертве и к великой жестокости и беспредельному эгоизму. Достоевский, Киркегардт, Ницше увидели с особенной остротой в человеке трагическое начало и противоречивость его природы... Потребность в страдании и мучительстве у Достоевского, ужас и отчаяние у Киркегардта, воля к могуществу и жестокость у Ницше свидетельствуют о том, что человек есть существо падшее, но мучающееся этой падшестью и желающее её преодолеть. Именно сознание личности в человеке говорит о его высшей природе и высшем призвании. Если бы человек не был личностью, хотя бы невыявленной или подавленной, хотя бы поражённой болезнью,

Человеческое достоинство есть освобождение от рабства, освобождение и от рабьего понимания религиозной жизни и отношений между человеком и Богом. Бог и есть гарантия свободы личности от порабощения власти природы и общества, царства кесаря, мира объектности.

Протоиерей Сергей Булгаков, Н.А. Бердяев, мать Мария (Скобцова)

хотя бы существующей лишь в потенции или возможности, то он был бы подобен другим вещам мира и в нём не было бы ничего необычайного. Но личность в человеке свидетельствует о том, что мир не самодостаточен, что он может быть преодолен и превзойден. Личность ни на что другое в мире не походит, ни с чем не может быть сопоставляема и сравниваема. Когда личность вступает в мир, единственная и неповторимая личность, то мировой процесс прерывается и принужден изменить свой ход, хотя бы внешне это не было заметно...

Существование личности предполагает свободу. Тайна свободы есть тайна личности. И свобода эта не есть свобода воли в школьном смысле, свобода выбора, которая предполагает рационализацию... Человеческое достоинство есть освобождение от рабства, освобождение и от рабьего понимания религиозной жизни и отношений между человеком и Богом. Бог и есть гарантия свободы личности от порабощения власти природы и общества, царства кесаря, мира объектности. Это происходит в царстве духа, а не в царстве объектного мира...

Свобода порождает страдание. Можно уменьшить страдание, отказавшись от свободы. Достоинство человека, т. е. личности, т. е. свободы, предполагает согласие на боль, способность пережить боль. Унижение моего народа или моей веры вызывает боль во мне, а не в народе и не в религиозном коллективе... Способность испытывать боль присуща каждому живому существу, прежде всего человеку, также животному, может быть по иному, и растению, но не коллективным реальностям и не идеальным ценностям. Это вопрос капитальный, им определяется персоналистическая этика. Человек, человеческая личность есть верховная ценность, а не общности, не коллективные реальности, принадлежащие миру объектному, как общество, нация, государство, цивилизация, церковь... Личность связана с памятью и верностью, она связана с единством судьбы и единством биографии. И потому существование личности болезненно. В христианстве всегда было

двойственное отношение к человеку. С одной стороны, христианство как будто унижало человека, признавало его существом греховным и падшим, призванным к смирению и послушанию. И это и есть то, чего не могут простить христианству. Но, с другой стороны, христианство необычайно возвышает человека, признаёт его образом и подобием Божиим, признаёт в нем духовное начало, возвышающее его над природным и социальным миром, признаёт в нем духовную свободу, независимо от царства кесаря, верит, что сам Бог стал человеком и этим возвысил человека до небес.

Н.А. Бердяев.

...Нельзя иметь никаких иллюзий, – в случае признания Церкви в России и в случае роста её внешнего успеха она не может рассчитывать ни на какие иные кадры, кроме кадров, воспитанных в некритическом, догматическом духе авторитета. А это значит – на долгие годы замирание свободы. Это значит – новые Соловки, новые тюрьмы и лагеря для всех, кто отстаивает свободу в Церкви. Это значит – новые гонения и новые мученики и исповедники.

Было бы отчего прийти в полное отчаяние, если бы, наряду с такими перспективами, не верить, что подлинная Христова истина всегда связана со свободой, что свобода до Страшного Суда не угаснет окончательно в Церкви, что наше небывалое в мире стояние в свободе имеет характер провиденциальный и готовит нас к стойкости и подвигу, как бы вручает нам огромное сокровище и даёт силы и бережение его, и, наконец, главное: что бы ни случилось в жизни церковной – ласкательство ли государства, гонение ли безбожников, искажение ли духа Христовой свободы, – ничего не страшно, потому что врата ада её не одолеют.

А наш путь, наше призвание, наш подвиг и крест – пронести свободную Христову истину через все испытания.

Монахиня Мария (Скобцова) КФ

Её звезда многим светит и сегодня

О монахине Елене (Казимирчак-Полонской) вспоминает протоиерей
Виталий Головатенко, настоятель храма Рождества Пресвятой Богородицы при
Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова

Беседовала Анна Лепёхина. Фото: Мария Кайкова

Отец Виталий, не могли бы Вы рассказать о Елене (Казимирчак-Полонской)?

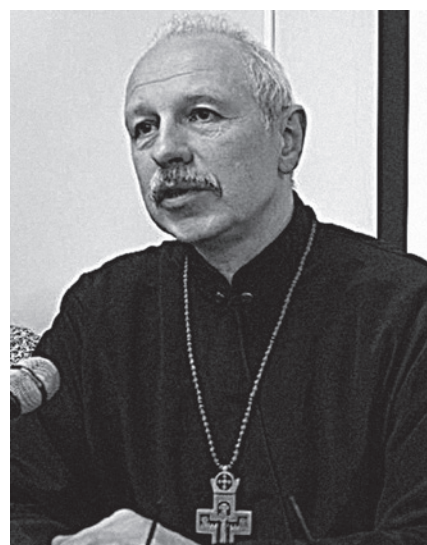
С Еленой Ивановной мы познакомились в 1978 году. Я тогда учился на втором курсе исторического факультета Ленинградского Университета и жил в семье композитора Дмитрия Алексеевича Толстого. Как-то раз его супруга Татьяна Николаевна попросила меня сходить на Торжковский рынок и что-то купить для одной её знакомой, пожилой женщины. Я согласился. А уж когда Татьяна Николаевна сказала мне, что Елена Ивановна – «астроном и богослов», то такое сочетание занятий меня заинтересовало особенно.

Когда я пришел к Елене Ивановне, я многим был приятно удивлён, и прежде всего – её «улыбающимися» глазами. Улыбка вообще не сходила с её лица. Помню её лучистые, пронзительно серые глаза, внимательно изучающие нового гостя, её открытое и приветливое лицо. Её маленькая однокомнатная квартирка на улице Торжковской была вся в зелёном: зелёные обои, зелёная обивка мебели, много комнатных растений. В одном из углов комнаты – иконы. Под иконами на узком комодке стояли два фотоснимка: справа – репродукция картины Яна Матейко «Коперник.

Беседа с Богом», слева – фотоснимок какого-то священника с внимательным и острым взглядом. Позже я узнал, что это – духовный отец Елены Ивановны протоиерей Сергей Булгаков. Перед иконами горела лампадка, на столе лежало очень много книг, но во всём этом был порядок, это была рабочая обстановка учёного.

Мы стали беседовать, разговорились, и она меня сразу заинтересовала и своим лучезарным обликом, и своей увлечённостью – тем, как она рассказывала о своей научной работе и о своей религиозной вере. Почти сразу мы заговорили о Христе. Я уже не вспомню, почему и как, и кто был инициатором, но Елена Ивановна сразу решила (и правильно решила), что это как раз то, что мне нужно.

Я никогда не был атеистом, но и «воцерковлённым» человеком (как теперь говорят) в то время тоже не был. Меня в семь лет крестила бабушка в деревне, и она же рассказывала мне о Христе и о Священном Писании. Бабушка моя была человеком неграмотным, читала с трудом, по слогам, но обладала блестящей памятью и хорошо помнила фрагменты Библии, литургические тексты, знала много народных духовных стихов. Таким образом, я, с одной стороны, был уже подготовлен к тому, что услышал от Елены Ивановны.

Отец Виталий Головатенко

А с другой стороны, я никак не был подготовлен, потому что то, как Елена Ивановна преподносила библейские истины и вероучительные положения, было совершенно уникально и неповторимо.

Наряду с глубокой убеждёностью в ней была удивительная свобода – то, чего сегодня многим так не хватает. Мы часто бываем «зомбированы» какими-то, в целом безусловно верными, положениями, но эти положения подчас нас словно парализуют, сковывают в творческом плане. А вот она была совершенно свободна. Это не сразу понималось, конечно, но как-то приятно беспокоило, что такое вообще возможно: быть свободным и в то

же время считаться с канонами, с правилами – т. е. с тем, что должно оставаться неизменным. Уже позже я осознал, что именно когда человек творит в русле традиций и считается с тем, что уже было сделано до него, с определёнными правилами и положениями, тут-то он и получает подлинную свободу самовыражения. Хорошая, веками выработанная форма не сковывает, но, напротив, мобилизует мысль и дисциплинирует её.

Я говорю это ещё и для того, чтобы объяснить, как работала во всех направлениях Елена Ивановна. Она никогда ничего прямо не нарушала – я имею в виду важнейшие, фундаментальные основы чего бы то ни было в науке или религии. Тут она была тверда, и уже позже, когда я стал членом одного из её религиозно-просветительских кружков, я наблюдал, как даже в нашем непринуждённом и дружеском общении Елена Ивановна зорко следила за тем, чтобы окончательные выводы наших дискуссий были в русле и Священного Писания, и Священного Предания. Какие-то отклонения она мгновенно улавливала и не приветствовала их. Она внимательно нас выслушивала, но всегда давала ясную и чёткую критику той или иной неверной позиции и объясняла, почему это неверно. При этом она ничего не запрещала, но предупреждала: «Осторожно, это опасно. Можно уйти куда-то далеко в сторону и не вернуться». И всякого рода недолжные фантазии или увлечения чем-нибудь вредным она мягко, но в то же время твёрдо приостанавливала. Если человек приходил к ней с чем-то личным, он мог говорить о чём угодно, но в общине разглагольствовать просто так было нельзя.

Наши собрания были по средам, начинались они в 19:00, опоздания не допускались, хотя

бывали, и опоздавшие получали мягкий, но строгий выговор. Елена Ивановна старалась воспитать в нас вкус к ответственности и дисциплине. Прежде всего мы читали апостольское и евангельское чтения дня по расписанию церковного календаря, затем вместе комментировали прочитанное. Вела встречи, конечно, всегда Елена Ивановна.

Кроме чтения Священного Писания, между членами нашего кружка распределялись темы для пространных докладов и кратких сообщений: об истории Церкви, о святоотеческом учении, а также о насущных проблемах тогдашнего времени. Каждый член общины также должен был рассказать о жизни и подвигах того святого, имя которого он носит. Разумеется, для всего этого нужна была литература, поэтому у нас была общинная библиотека, в которой были самые разные книги. По большей части это был «самиздат», то есть самодельные перепечатки. В библиотеке нашей были проповеди митрополита Антония (Блума) и протоиерея Александра Шмемана, книги протоиерея Александра Меня, русская и зарубежная богословская литература XIX века. Многие важнейшие сочинения Елена Ивановна сама конспектировала, потом отдавала в перепечатку. В её переработке эти труды излагались в сокращённом виде, но сохранялось главное. Елена Ивановна была человеком науки и знала, как следует грамотно конспектировать обширные труды. Эта библиотека сыграла важную роль в становлении многих. Вообще же из наших встреч, из этих двух кружков Елены Ивановны (один был для молодых, другой – для людей постарше), вышло много замечательных личностей, в том числе и священнослужителей.

Сколько примерно было человек в молодёжном кружке?

Постоянных членов было человек восемь-десять, не больше.

Чему прежде всего она Вас научила? И что больше всего помнится?

Я часто вспоминаю, как Елена Ивановна цитировала Священное Писание. Она знала наизусть достаточно большие куски, и даже когда ей приходилось цитировать это не специально, а в контексте, всё равно цитаты были выделены её голосом с чёткой дикцией и замечательной артикуляцией – так, что всякое слово впечатывалось в память и оставалось там навсегда. Помню, она иногда говорила слова из Апокалипсиса: *«Имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою»* (Откр 2:4). К сожалению, в жизни Елены Ивановны было много случаев, когда и её духовные чада (*детки*, как она говорила), и люди из её окружения забывали, оставляли свою «первую любовь». Для неё это было, конечно, горько. Но она пережила слишком многое и ко всему была готова.

Удивительно было и то, как Елена Ивановна молилась. Как-то я у неё задержался допоздна, и она предложила прочесть вместе вечернее правило. С тех пор мы не однажды с ней вместе молились, и это была удивительная школа молитвы. То, как Елена Ивановна молилась, невозможно передать. Это была не просто искренняя – это была *огненная* молитва. Поражало её горение, её устремлённость не в небо, а куда-то ещё дальше – и выше, и глубже. Это была молитва всеобъемлющая, всепроникающая, возносящая на небесные высоты и погружающая в неведомые внутренние глубины... Об этом трудно говорить. В её чётком и ясном выговоре, т. е. произношении,

Елена Ивановна Казимирчак-Полонская. Фотографии разных лет

церковнославянский язык становился родным и понятным. Не требовалось никакого перевода, и даже в сложных византийских риторических оборотах всё было понятно – *так* она умела доносить слово молитвы и до своего сознания, и до сознания тех, кто был с нею рядом.

Ещё Елена Ивановна нас учила не бояться трудностей. Она говорила, что бывают трудности «не простые, а золотые», которые помогают нам стать лучше, сильнее. Нужно тянуться вверх, а не идти по пути наименьшего сопротивления, нужно уметь преодолевать препятствия. И всю свою жизнь она преодолевала практически всё вокруг: обстоятельства, свои немощи, злую или равнодушную волю других людей, их инертность, лень. Она преодолевала человеческую косность, формализованность, условия советской действительности, в которых находилась. В этом преодолении, собственно говоря, она и состоялась как человек, как христианка, как духовная наставница многих.

В один свой приход я увидел, что на её рабочем столе лежит перфокарта (она любила их использовать для черновых заметок), где написано известное изречение *Per aspera ad astra*¹. Я учил латынь

в университете, и мне не нужно было переводить написанное. И я спросил: «Это Ваш девиз?» Она ответила: «Да». Тогда я решил развить тему: «И что же, много было терний?» «Достаточно», – сказала она со своей неизменной улыбкой, но улыбка уже была слегка горькой, и я понял, что не очень удачно пошутил. Тем не менее это стало началом для новой серии бесед, уже о её терниях как таковых. И я понял, что она сама – человек, которого трудности не останавливают, а мобилизуют. И чем труднее была задача, чем неподъёмней оказывалась ноша, тем с большей энергией, даже с жаром, Елена Ивановна за неё бралась.

Было просто потрясюще видеть, как она, человек уже достаточно больной, сама себе ставила трудные задачи и блестяще их решала. Вот один маленький пример. В последние годы своей жизни Елена Ивановна несколько лет приходила в Ленинградские, а потом в Петербургские духовные академию и семинарию, где основала очередной кружок – общину во имя преподобного Сергия Радонежского – и рассказывала о жизни и творчестве своего духовного учителя, протоиерея Сергия Булгакова. Она уже была тогда практически слепа. И вот на од-

ной из лекций она, рассказывая об очередном периоде жизни о. Сергия, вдруг говорит: «Сейчас я вам перечислю работы о. Сергия этого периода». И начинает наизусть приводить выходные данные каждой работы: название, место и год издания. А в том списке свыше 20 работ! И точно так же, наизусть, она цитировала значительные фрагменты из работ о. Сергия.

И когда мы, немощные, делали свои доклады на наших встречах, Елена Ивановна ориентировала и нас на устные выступления, без чтения по заготовкам. Бумажка могла быть, но лишь как план или тезисы. Она считала, что всякое публичное выступление должно быть на таком же высоком уровне, как театральный спектакль: всё должно быть предельно, до мелочей, выучено и отлажено. И когда она сама выступала на самых разных конференциях, в том числе и международных, она никогда не читала по написанному. Она всегда выучивала всё, что нужно было сказать, и договаривалась с ассистентом так, чтобы он знал текст её выступления и не было необходимости говорить: «Следующий слайд, пожалуйста!». Ничто не должно было мешать восприятию главного.

¹ Сквозь тернии – к звёздам (лат.)

Это традиция дореволюционной российской научной школы?

Уверен, что так, потому что я был знаком со многими людьми Старой России и слышал, как они говорят, выстраивая фразу за фразой и чётко артикулируя. А как сегодня говорим мы? – Да как попало, без всякого уважения к ушам собеседника. Нас, увы, мало заботит, понимают нас или нет, нам главное – высказаться.

Отец Виталий, Вы упомянули студенческий кружок и назвали его общиной. Он так и назывался тогда?

Тогда было не до названий, да и опасно было так его называть. Нам сейчас трудно это представить, но тогда можно было запросто «сесть» не только за организацию, но даже за посещение таких бесед – тем более мне, учащемуся советского идеологического ВУЗа. Так что всё это называлось просто встречами.

Участников ваших встреч Елена Ивановна называла «мои детки». Что она в это вкладывала? Вы были как семья?

Да. И это был не просто оборот речи или стилизация «под старину»: она нас действительно искренне любила и вкладывала всю душу в наше воспитание.

А в храм вместе вы ходили?

Да, мы ходили к отцу Василию Лесняку в Спасо-Парголовский храм, и это была опять же инициатива Елены Ивановны. Ездили все вместе на исповедь, вместе причащались. Великим постом слушали Великий канон Андрея Критского. Отец Василий также приходил к нам на встречи и рассказывал о богослужении Русской Православной Церкви.

Ваши встречи проходили уже с конца семидесятых годов?

Они начались гораздо раньше. Мне трудно сейчас сказать, когда именно: на эти темы (когда на-

чалось? кто ходил?) не разговаривали. Но достойно удивления, что Елена Ивановна, уже «отсидев» срок в заключении и много перетерпев от советской власти за свою деятельность, не сломалась. Она продолжала и дальше трудиться, и дальше служить Христу: не боялась и, что называется, *дерзала*. Слова «дерзание», «дерзновение» – важнейшие понятия в её лексиконе и её деятельности. Всем своим видом она являла это дерзновение: не дерзость, как наглость, а именно дерзновение.

Помню, она говорила мне: «Виталичек, я всю свою жизнь ставила эксперименты». – «Это как же, Елена Ивановна?» – «А вот как. Мне всегда было интересно: смогу ли я? Если смогу, то до какой степени смогу? И как Господь мне поможет в этом? И поможет ли? – И не узнаешь, пока не попробуешь, не поставишь эксперимент». Она также научила меня слову «синергия». Творческая жизнь Елены Ивановны во Христе – это непрерывная цепь экспериментов по синергии, т. е. соработничестве, человека и Бога. И всё то, на что она дерзала, удавалось ей именно потому, что в этих её «экспериментах» возникала синергия между волей человека и волей Бога, осуществлялось взаимодействие двух инициатив. Всё решалось именно в её деятельной инициативе и труде, а не только в благочестивых намерениях, мечтаниях («Ах, как хорошо было бы, если бы Бог помог!..»).

Наши встречи по средам были строго конспиративными. И Елена Ивановна предупреждала, что если вдруг кто-то внезапно нагрянет с проверкой, то мы – просто круг знакомых, и празднуем день Ангела или рождения такого-то человека (назначался «именинник»). Мы пили чай с пирожными, которые сами приносили. Понятно, что всё это были шитые белыми нитками хитрости, и если бы

у властей было такое намерение, то, конечно, нас быстро прикрыли бы. Но – жив Господь! – этого не произошло. Конечно, то был не страх сталинского времени, страх за каждый неосторожный шаг или звук, но, тем не менее, людей действительно привлекали к ответственности, с ними «беседовали», их выгоняли с работы, с учебы и за гораздо меньшие с точки зрения советской власти проступки, чем то, что делала Елена Ивановна и в чём участвовали мы. Это было действительно опасно. Но с Еленой Ивановной совершенно не было страшно! О страхе никто даже не думал. Елена Ивановна принимала какие-то смешные меры безопасности, например, накрывая телефон подушкой, но, тем не менее, факт остаётся фактом: никто нас не тронул. И это объясняется только благодатным вмешательством свыше.

Сейчас нас никто не преследует, мы завалены и пресыщены «духовной» литературой (никогда не понимал, что это значит), и от пресыщения всё это нам уже не интересно: нам кажется, что всё это мы уже знаем. А тогда даже какая-то брошюрка XIX века с примитивными и полуграмотными деревенскими проповедями благоговейно передавалась из рук в руки и прочитывалась до конца. Всё было интересно, лишь бы оно было *об этом*, о главном. А уж кем и как написано – неважно. Всё жадно ловилось, всё прочно усваивалось. А уж потом всё раскладывалось по своим местам. Мы читали взахлёб даже «Добротолюбие» (кто из молодёжи сейчас его читает?). А нам тогда всё было интересно. Такое было время. И, безусловно, одной из самых ярких звёзд того времени была личность Елены Ивановны Казимирчак-Полонской, монахини Елены. Уверен, её звезда многим светит и сегодня. **КФ**

Вспомнить и оплакать погибших

В этом году о набирающем силу движении молитвенного поминовения жертв советских репрессий написали в сотнях центральных и региональных изданий. «Кифа» обратилась к участникам молитвы с вопросом, который выводит за пределы Дня памяти – к остальным дням календарного года. Вот некоторые из ответов

Беседовали Анастасия Наконечная, Александра Колымагина. Фото: Максим Соболев, Евгений Гурко, Сергей Туманов

Санкт-Петербург, 30 октября 2018 г.
Молитвенное чтение имён жертв советских репрессий
у памятника Ф.М. Достоевскому, ст. м. Владимирская

Есть такая традиция – проводить, оплакать умершего. В XX веке в нашей стране миллионы ушли неоплаканными, нет даже могил... Сегодня мы оплакиваем этих людей, стремясь соединить разорванные нити жизни народа. А что ещё, как Вам кажется, можно сделать, чтобы эти нити связать?

Александр Сокуров, режиссёр: Хотя бы это, да, хотя бы это – на большее, уверен, у нас нет сил. Потому что здесь нет чиновников, военной молодёжи, депутатов, здесь нет студентов, нас очень

мало. Смотрите, кто здесь? Вот мы все с палочками, и я с палочкой.

Протоиерей Михаил Браверман, настоятель храма святых равноапостольных Константина и Елены (Санкт-Петербург): Когда мы говорим об исторических трагедиях, о невинных жертвах, мы в первую очередь думаем о настоящем и будущем, о том, чтобы исторические трагедии по возможности не повторялись. Но для того, чтобы они не повто-

Понимание того, что твои предки делали в тот или иной период, как они вообще прошли весь этот путь испытаний в XX веке, – это тоже, конечно, определённая информация, которая может быть как вдохновляющей, так и наоборот, вызывающей скорбь и стремление покаяться, помолиться... Потому что заранее мы не можем сказать, как бы мы сами поступили на их месте, ведь это было очень серьёзное нравственное искушение, и преодолеть его стоило действительно очень больших душевных и духовных сил, – в первую очередь мужества, чтобы свидетельствовать о правде.

Москва, 30 октября 2018 г.
На мемориальном кладбище у м. Сокол.
Андрей Грищенко

рялись, должно быть осмысление того, а что же было, надо назвать вещи своими именами, жертв называть жертвами, а палачей – палачами.

И ещё: важно, чтобы наша память не ограничивалась одним днём в году. Православные храмы открыты семь дней в неделю, всегда можно зайти в Божий храм, помолиться о невинноубиенных, всегда можно в свою домашнюю молитву включить молитвенное поминовение тех, кто был гражданином нашей страны и был так жестоко, подло стёрт из жизни.

Священник Николай Савченко, клирик Троице-Сергиевой пустыни (Стрельна): Мне кажется, в первую очередь мы сейчас должны достучаться до людей, чтобы они осознали эту страшную трагедию, чтобы мы изжили все её отrostки, которые ещё где-то в наших душах пытаются нас опутать. И это очень важно. На мой взгляд, покаяние и поминовение – это неотъемлемые составляющие нашего духовного возрождения.

Анна Падерина, депутат Совета депутатов муниципального округа Сокол (Москва): У нас очень большая проблема в обществе – противостояние людей. Важно, что мы начинаем вспоминать свою историю, что мы потихоньку начинаем её изучать и принимать. Для меня это действительно живая память, примирение с самим собой. Потому что когда сам читаешь имена погибших, ты задумываешься о судьбах

этих людей, о том, что с ними произошло. У нас был молебен здесь, на мемориальном кладбище у метро Сокол, в 2017 году. И когда мы с моей подругой печатали списки имён, мы читали истории людей по Книге памяти. Когда это делаешь, понимаешь, сколько потеряла страна, сколько не прожитых жизней, сколько не реализованных талантов – из-за войн, из-за репрессий, сколько теряет страна, сколько теряют семьи. Потому что потерпевшие от репрессий есть, наверное, в каждой семье. Такого геноцида собственного народа не было нигде. И другие народы о своих жертвах помнят, а мы, получается, не помним. Хорошо, что это начинается и продолжается.

Андрей Грищенко, координатор московского отделения мемориально-просветительского и Историко-культурного центра «Белое дело»: Конечно, для верующего человека молитва является одной из основных форм памяти о своих предках. Если говорить о светских формах памяти, то одним из вариантов может быть собрание семейных преданий, историй и рассказов тех родственников, которые ещё могут что-то сообщить. Вещи, которые можно потрогать, также вызывают у нас определённое чувство реальности событий и людей, которые ими обладали. Для человека, как для апостола Фомы, важно «вложить персты в рану», важно реально прикоснуться к чему-то, поэтому такие своеобразные «артефакты» очень важны для семейного предания. Сейчас в обиход стало

Я абсолютно убежден в том, что мы знаем только малую долю мест массовых расстрелов – и не только Большого террора периода «ежовщины», но вообще большевистского террора, начиная с октября 1917 года и заканчивая, наверное, могилами участников восстания в ГУЛАГе в 1953–1954 году. Это период продолжительностью в 36 лет. И все названия, которые у нас на устах – Ржевский полигон, Левашово, Сандармох, Куропаты в Белоруссии и так далее – это же совершенно небольшая часть... Я уверен, что есть сведения об этих местах, и там нужно устанавливать памятные знаки, поклонные кресты, туда нужно приходить, нужно молиться.

входить построение семейного древа – расписывание имён всех своих предков. Люди выкладывают в интернет получившуюся диаграмму, фотографии. Есть и специальные сайты.

Понимание того, что твои предки делали в тот или иной период, где служили, где родились, как отнеслись к революции, как они вообще прошли весь этот путь испытаний в XX веке, – это тоже, конечно, определённая информация, которая может быть как вдохновляющей, так и наоборот, вызывающей скорбь и стремление покаяться, помолиться... Потому что заранее мы не можем сказать, как бы мы сами поступили на их месте, ведь это было очень серьёзное нравственное искушение, и преодолеть его стоило действительно очень больших душевных и духовных сил, – в первую очередь мужества, чтобы свидетельствовать о правде.

Я знаю про своего прадеда, что он сражался в Первой мировой войне. Кроме этого у меня есть только одна фотография в электронном виде. Это всё, что мне досталось от него. Но и это изображение очень ценно для меня, потому что я могу посмотреть на его лицо, могу «прочитать» в выражении его черт определённый склад души. И мы знаем сотни примеров, когда люди приезжают и ходят по архивам, пытаются восстановить истории своих предков. Насколько же это должно быть важно для людей? Я сам нахожусь только в начале этого пути, я только учусь.

Кирилл Александров, историк (Санкт-Петербург): Нужно восстанавливать могилы, кладбища, места погребения. Я абсолютно убеждён в том, что мы знаем только малую долю мест массовых расстрелов – и не только Большого террора периода «ежовщины», но вообще большевистского террора, начиная с октября 1917 года и заканчивая, наверное, могилами участников восстания в ГУЛАГе в 1953–1954 году. Это период продолжительностью в 36 лет. И все названия, которые у нас на устах – Ржевский полигон, Левашово, Сандармох, Куропаты в Белоруссии и так далее – это же совершенно небольшая часть... Я уверен, что есть сведения об этих местах, и там нужно устанавливать памятные знаки, поклонные кресты, туда нужно приходить, нужно молиться.

Но этого мало; нужно восстанавливать правду, восстанавливать историческое сознание, историческое мышление у наших соотечественников и современников, то есть заниматься историко-просветительской деятельностью. Пока в каждом школьном учебнике истории не будет написано, что за период с октября 1917 года до марта 1953-го в нашей стране от террора, голода, войн, репрессий, коллективизации и так далее погибло более 50 миллионов человек, этого восстановления не произойдёт... **КС**

Имена наших улиц

Участники фестиваля православных СМИ «Вера и слово» (октябрь 2018 г.)
ответили на вопросы «Кифы»

Беседовала Анастасия Наконечная. Фото: Александра Колымагина

Часто представители церкви, в том числе иерархи говорят о том, что улицы наших городов не должны носить имена убийц. Как Вам кажется, что ещё могла бы церковь сделать для того, чтобы топонимика наших городов менялась?

Протоиерей Даниил Азизов, руководитель информационного отдела Ростовской епархии: Я бы не акцентировал внимание на том, чтобы срочно переименовывать улицы. Потому что этим мы не изменим сознание людей. Для того, чтобы мы стёрли из сознания эти тёмные страницы нашей истории (хотя забыть их невозможно), мы должны провести определённую работу с людьми, которые совершенно спокойно живут на этих улицах, ходят по ним, и это их не трогает. Я думаю, что инициатива по переименованию должна исходить не от каких-то определённых групп церковно настроенных людей, а от населения. Потому что люди, которые живут в этом городе, на этой улице, должны понимать, что имя её не несёт ничего хорошего. А чтобы они это понимали, нужно изменить вектор нашей работы с людьми. Как это сделать сейчас, трудно сказать...

Есть ведь много похожих проблем. Вот лишь одна из них: у нас очень много разрушенных храмов, которые по ряду причин не восстанавливаются. Мы строим новые храмы, а храмы, которые имеют необыкновенную историю и которые до сих пор являются храмами-мучениками, продолжают стоять разрушенными, и человек, проходя мимо них, не ужасается, привыкает к этому. И это не изменится, если мы просто изменим название улиц. Историческая память – она должна рождаться.

Иеромонах Антоний (Малинский), информационный отдел Армавирской епархии: На мой взгляд, одна из проблем, с которыми мы сталкиваемся – это замкнутость современного общества. К сожалению, мы, живя в

В ожидании встречи с В.Р. Легойдой. Протоиерей Даниил Азизов, иеромонах Антоний (Малинский), Анастасия Наконечная

многоэтажных домах, порой не знаем своих соседей. Если бы мы знали друг друга, если бы мы общались, если бы мы делились друг с другом радостью и горестью – мы бы, наверное, смогли преодолеть многие проблемы современного общества с большей лёгкостью. На мой взгляд, церкви необходимо призывать к этому общению, к этому единению, к открытости современного общества, чтобы мы общались квартирами, подъездами, домами. Тогда, наверное, будет гораздо проще преодолеть безбожное наследие XX века.

Отец Константин Павлюченко

Иерей Константин Павлюченко, информационный отдел Карельской митрополии: Главное – это просвещение народа. Молодежь должна из уст как церковных, так и светских деятелей услышать историческую правду, понять, как всё было в действительности, каковы причины того, что было до революции и что стало после неё. Необходимо правильное отношение к истории.

В церкви много инструментов для этого, и главные из них, конечно, – молитва и слово. И это слово должно выходить за стены храма, в том числе в информационное пространство, в социальные сети.

Сергей Скорик, пресс-секретарь Йошкар-Олинской епархии: Здесь многое зависит от желания администрации города. И второе, я думаю, это аспект финансовый.

Говорят, что переименование – это не очень дорого. Мы считали в Петербурге по одной улице, получилось 10 тысяч рублей.

Я не знал. У нас в Йошкар-Оле ряд улиц уже переименован. А некоторые остались ещё – Карла Маркса, Ленина.

А церковный народ это поддерживает?

Процесс переименования – да. Конечно, очень плохо, когда улицы называются именами убийц. А если копнуть, у нас это везде. Мы все понимаем, что во время красного террора творились страшные вещи. Но люди, чьими именами улицы не могут называться, считались героями в то время. И сейчас есть люди старого поколения, которые на этих коммунистических идеалах воспитаны. И для них

эти люди остаются героями. Им просто говорили в школах, коммунистических ячейках, что это герои. И они верят в это свято. Это единственная информация, которой они владеют. Сейчас мы узнаём, что там этот человек подписывал такой-то указ, тут он участвовал в расстреле, тут он виновен в гибели людей. Но они-то об этом не знают. Если мы сейчас огульно начнём всё ломать, не объясняя, это приведёт лишь к волнениям в людской среде. Надо в первую очередь говорить с людьми. Забывать об этих страницах истории нам нельзя. То, что раньше люди не могли знать и не знали, сейчас стало достоянием общественности. Но, к сожалению, люди либо не хотят этого знать, либо умышленно замалчивают. Поэтому первым, основным шагом должно быть объяснение.

Викарий Волгоградской епархии, епископ Городищенский Феокист: Думаю, эта борьба за переименование, за что-то, против чего-то, отвлекает от самого главного – изменения самого себя, евангельского делания. И я не помню, чтобы Христос нас вовлекал в какие-то общественные процессы, призывал голосовать против этого или за того... Он призывал к покаянию.

И та миссия, с которой Он посылал апостолов, она, конечно, внутренняя. Если бы тень апостола Петра не исцеляла больных, то его слова ничего бы не стоили. Так же и с остальными.

Мне видится, что сегодняшняя проблема – внутри нас самих. Потому что мы прекрасно умеем говорить про христианство, но нам сложно ответить на вопрос: «Ребята, вы прекрасно рассказываете, но почему вы сами негодяи такие?» И мы говорим:

Викарий Волгоградской епархии,
епископ Городищенский Феоктист

«Церковь – это больница, я частный случай, а вообще христианство – это прекрасная вещь». А нас просят показать примеры. И когда мы рассказываем о святых, говорят: «А нам бы живых, но мы их не находим». Хорошо бы, чтобы не возникало такого диссонанса между тем, как мы проповедуем, и тем, как мы живем. Мне кажется, это то, на что мы прежде всего должны обратить своё внимание, а не на переименование. Это внешняя, понятная, хорошая, для кого-то благочестивая борьба, но она отвлекает силы и ресурсы от изменения своего сердца.

В 2017 году Преображенское братство поставило памятник в Левашове в память о членах православных братств, ставших жертвами репрессий. Для меня и это – покаяние. Покаяние за те преступления, которые совершались в советское время.

Я, с одной стороны, понимаю, о чём вы говорите, но я не знаю в истории церкви примеров возведения памятников или переименования как видов покаяния.

Я знаю пост, молитву, аскетические подвиги. Но про памятники там ничего нет. Мне думается, что разрушая что-то и что-то меняя, мы уподобляемся тем, кто это делал раньше. Есть определенный сложившийся пласт культуры, и нам с этим надо жить. Помимо внутренней работы есть многое, что надо обустроить. Когда мы строим новые кварталы – что мешает их назвать в честь святых? Но что-то я не вижу, чтобы это происходило. Наш народ, наша страна переживала разные этапы. И мне думается, что отказываться полностью от Советского Союза, его наследия тоже неправильно.

«Что случилось с нами, если мы начали массово убивать?» Вот этот вопрос должен стоять. И он должен быть связан не с какими-то отдельными персоналиями, а и с теми простыми деревенскими парнями, которые в ВОХРе работали. Что с ними случилось? Почему для них сделалась возможной такая жестокость? Это же было массово... Значит, если что-то вновь «перезамкнётся», будет происходить то же самое? Вот что нам нужно себе напоминать.

Вы хотели бы жить на улице Урицкого?

Я живу на улице Чапаева. А раньше жил на улице Дзержинского.

Это же мальчики кровавые в глазах, нет?

Никаких кровавых мальчиков. Если тебе есть чем заняться внутри, то тебе практически всё равно, на какой улице ты живешь.

Я не хочу сказать, что не было преступлений этого режима. Давайте не будем это закрашивать, а подумаем о том, чтобы это не повторилось. Великий соблазн всё закрасить, чтобы ничего не касалось нашего зрения. Или наоборот: «Давайте сделаем памятник и камень, и всё будет хорошо». Когда всё напоминает, всё кричит о том, что было. И знаете, мне в этом смысле симпатичны немцы со своим осмыслением и рефлексией по поводу того, как получилось так, что они на какой-то период времени сделались жуткими, звероподобными людьми. «Что случилось с нами, если мы начали массово убивать?» Вот этот вопрос должен стоять. И он должен быть связан не с какими-то отдельными персоналиями, а и с теми простыми деревенскими парнями, которые в ВОХРе работали. Что с ними случилось? Почему для них сделалась возможной такая жестокость? Это же было массово. И почти каждый из нас может задать себе вопрос: «Как так, почему мой родной дядя начал работать сексотом и доносчиком?» Что произошло? Ведь это не какая-то манипуляция. Что-то произошло с человеком. Значит, если что-то вновь «перезамкнётся», будет происходить то же самое? Вот что нам нужно себе напоминать. КФ

Братский помянник

6 января был расстрелян вместе со своим 23-летним сыном протоиерей Константин Аггеев (1868–1921).

В Братстве ревнителей церковного обновления о. Константин разрабатывал основополагающие тексты, участвовал в важнейшей встрече членов будущего братства с митрополитом Антонием (Вадковским). Он горячо верил в то, что «наука, искусство, общественность, вообще культура, сохраняя обязательную для них свободу, но свободно проникаясь светом христианства и свободно преобразуясь им, являются могучими орудиями и элементами Царства Божия». У него принял крещение С.Л. Франк. Александр Блок советовал своей матери обращаться к о. Аггееву в дни сомнений и раздумий. Вячеслав Иванов посещал храм при Ларинской гимназии, в которой служил о. Константин. Близкие отношения по литературной работе у о. Константина сложились с С.Н. Булгаковым, Н.А. Бердяевым, А.П. Карташёвым, П.Б. Струве и многими другими.

6 января был расстрелян священномученик Сергей Мечёв (1892–1942). Долгие годы он руководил московской маросейской

общиной, состоявшей из нескольких молитвенно-покаяльных семей. В 1933 году он писал своим духовным детям из ссылки: «Особые скорби, небывалые напасти — удел наших дней. В покаянном преодолении их — смысл нашей жизни... Дети мои, суд Божий совершается. Покаянно припадём ко Господу и найдём в себе силы сказать с пророком: Гнев Господень я буду нести, потому что согрешил пред Ним, доколе Он не решит дела моего и не совершит суда надо мною; тогда Он выведет меня на свет, и я увижу правду Его (Мих. 7:9)».

В Рождество Христово, 7 января, был расстрелян протоиерей Михаил Чельцов (1870–1931). Настоятель Свято-Троицкого собора Петрограда, он был и руководителем православного братства при соборе. С опытом православных братств отец Михаил познакомился ещё в Калуге, будучи мирянином. Там он вступил в Калужское братство, занимавшееся просветительством и миссионерством. В Петербурге отец Михаил продолжал свою миссионерскую деятельность, входил в «Кружок 32-х», который со временем преобразовался в Братство ревнителей церковного обновления. Своей целью братство видело содействие обновлению церкви. В 1907 году о. Михаил писал: «Говорить об обновлении церковном это не только не быть в противоречии с Хри-

стовым учением о Церкви, но именно для Царствия Божия работать, очищая для людей пути и изыскивая способы к богоуподоблению, к богочеловечеству. И в наше время это более, чем когда-либо требуется».

7 января отошёл ко Господу исповедник веры, основатель православной общины архимандрит Сергей (Савельев) (1899–1977).

В 1975 году он говорил в проповеди в храме Покрова Пресвятой Богородицы в Медведково: «Я всей душой верю в то, что подлинная Христова любовь, подлинная любовь к исполнению заповедей Христовых нужна сейчас — всё это нужно как воздух... Я люблю свою родину, люблю свой народ, я преисполнен этой любви, я делаюсь молодым, когда мне нужно послужить своему народу. Но послужить таким, каков я есть, как сын Церкви, как сын, исповедующий Христа, как сын, для которого эта жизнь является приготовлением к вечной жизни. Без вечной жизни для меня нет жизни».

8 января был расстрелян священник Александр Секундов (1876–1938), духовник Крестовоздвиженского православного

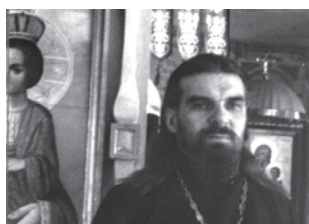
братства, основанного Н.Н. Неплюевым.

Выступая на заседании Отдела о богослужении Поместного собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг., он говорил: «Богослужение должно быть живо и действенно. Слушатели должны быть активными его участниками... Я ввожу новые прошения в ектеньи... Принимая самое живое участие в молитвах, многие плачут. Вводимые мною изменения оказались плодотворными — они сплавивали прихожан... Апостол и Евангелие постоянно у нас читаются на русском языке. Это производит сильное впечатление на народ. К нам приходят богомольцы и из других приходов и бывают очень удовлетворены тем, что понимают богослужение». В 1925 году отец Александр вместе с другими руководителями Крестовоздвиженского братства был осуждён за «контрреволюционную» деятельность братства. После освобождения приехал в Боровичи к родным. 21 ноября 1937 года отца Александра Секундова снова арестовали и заключили в Боровичскую тюрьму. В следственном деле сохранились обвинительные показания, что священник Александр Секундов привлекал людей в церковь, проповедовал, собирал у себя дома людей, проводил с ними беседы. Виновным себя не признал. Место захоронения отца Александра и вместе с ним убиенных не установлено до сих пор.

8 января отошёл ко Господу протоиерей Всеволод Шпиллер (1902–1984). Вернувшийся из эмиграции в 1950 году, отец Всеволод собирал вокруг себя молодёжь, не боялся пропо-

ведовать. Аудиозаписи его проповедей расходились среди верующих. В одной из них он говорил: «Церковь не есть организация. Она — не учреждение, которое создано какими-то законами, постановлениями, соглашениями человеческими и т. д. Церковь есть жизнь во Христе и со Христом, которая совершается во времени, протекая здесь, на земле. Но всегда эта жизнь совершается внутри сердца человеческого, по выражению одного православного богослова — в клетке человеческого сердца. И поэтому она всегда есть тайна и таинство. Вот что такое Церковь — тайна и таинство жизни во Христе и со Христом в сокровенном человеке».

11 января отошёл ко Господу протоиерей Федор Семенов (1902–1975), священник мечёвской общины.

Он был тайно рукоположен святителем Афанасием (Сахаровым) в 1935 году. В 1936 году как «социально опасный элемент» был сослан в Рыбинск, где совершал тайные богослужения. По благословению о. Сергия Мечёва и о. Бориса (Холчева) духовно окормлял приезжавших в Рыбинск членов мечёвской общины. В 1948 г. по приглашению еп. Гурья (Егорова) переехал в Ташкент. С 1951 года более 20 лет настоятельствовал в ташкентском кладбищен-

ском храме Александра Невского. Духовная дочь о. Бориса (Холчева) вспоминала: «Голос о. Фёдора пробуждал всех усопших на кладбище. А прихожане на площади перед церковью рыдали. Это в пятидесятые-то годы и такой глашатай Христов! Он проникал во все пласты душ греховных. Все любили его, и бабушки, и интеллигенция».

14 января без суда был расстрелян красными при отступлении из Тарту священномученик епископ Платон (Кульбуш) (1869–1919).

Священник Павел Кульбуш в 1898 году основал в Петербурге эстонское православное Братство во имя Исидора Юрьевского. Целью братства была забота о возрастании и духовном укреплении православной эстонской паствы (в Петербурге работало много эстонцев). Почётным председателем братства стал епископ Вениамин (Казанский). Братский храм в Петербурге был освящён в 1907 году. Богослужения там совершались на эстонском языке. При храме были построены помещения для культурно-просветительской деятельности, проведения катехизации, а также небольшая гостиница для приезжавших в Петербург эстонцев. В декабре 1917 года о. Павел был рукоположен во епископа Ревельского. Через год жертвенного служения в трудных условиях немецкой оккупации Эстонии вл. Платон был арестован вошедшими в город большевиками и вскоре расстрелян. На теле убитого епископа нашли семь штыковых ран и четыре пулевых. В 2000

году епископ Платон был прославлен в лике святых.

15 января отошёл ко Господу выдающийся православный богослов Оливье Клеман (1921–2009).

Его духовный путь был уникален: атеист в традиционной католической Франции, он заинтересовался Евангелием под влиянием стихов Рильке, а к православию пришёл после чтения Достоевского и Бердяева. Приняв крещение в 30 лет, он учился богословию у В.Н. Лосского и сам вскоре начал писать серьёзные богословские работы. Оливье Клеман был другом Преображенского братства, почетным членом братства «Сретение» и членом попечительского совета Свято-Филаретовского института, в стенах которого читал цикл лекций о личности.

21 января* отошёл ко Господу Николай Николаевич Неплюев (1851–1908).

Аристократ, просветитель, богослов, основатель православного Крестовоздвиженского трудового братства, в котором выходцы из беднейших крестьянских семей учились жить на основах евангельской любви, он верил, что именно братский путь спасёт Россию. В одном из приложений к проекту Всероссийского братства он писал: «Необходимо чудо Божие для спасения России и светлого преображения

русских православных людей. Верим, что чудо это совершится, если остаток верных, люди доброй воли, с верой и любовью отдадут себя в руку Божию». Он по-новому (и одновременно глубоко традиционно) поставил центральные вопросы эkkлeзиoлoгичeского характера, понудив церковь задуматься об аутентичных основаниях и нормах своей жизни. И не просто поставил, но стал успешно решать, воплощая в практике жизни своего Трудового братства, в котором он устраивал совместную, единомысленную и единомысленную жизнь по правде, собирая в единении народ Божий во Христе.

25 января* был зверски убит священномученик митрополит Владимир (Богоявленский) (1848–1918).

Многие знают, что именно после мученической кончины митрополита Владимира Поместный собор 1917–1918 гг. установил новый день церковного поминовения — День памяти новомучеников и исповедников Церкви русской. Менее известна его деятельность по учреждению братств. В Самаре он основал Алексеевское религиозно-просветительное братство; состоял почётным членом в берлинском православном Свято-Князь-Владимирском братстве. В течение шести лет его служения экзархом в Грузии было учреждено миссионерское епархиальное духовно-просветительное братство.

* Напоминаем, что даты событий, произошедших до 1 февраля 1918 года, приводятся по старому стилю.

Кто попадает в ядро приходской общины

Интервью с протоиереем Александром Лавриным,
клириком храма иконы Божией Матери «Живоносный источник» в Царицыне (Москва)

Беседовали Александр Колымагин и Анастасия Наконечная. Фото: Александр Волков

Часто приходится слышать, что через внешние, формальные критерии трудно выявить реальное членство в приходе.

Реальное членство в приходе выявить в принципе невозможно. Когда я впервые услышал о нём, для меня совершенно очевидно встал вопрос о том, что в приходской жизни в силу её текучести осуществить это – просто утопия.

Может быть, это преимущественно ситуация мегаполисов? В деревне вообще-то известно, кто ходит в храм, кроме дачников.

¹ Схиархимандрит Амвросий Балабановский (в миру Василий Федорович Иванов) начал свой духовный путь в 1897 году в Оптиной пустыни, потом служил в Пафнутиевом Боровском монастыре. Когда в 1923 году монастырь закрыли, отец Амвросий стал служить в храме села Иклинское (Калужская епархия). В 1930 году его арестовали; три года он провел в тюрьмах и ссылке в Семипалатинске, а потом вернулся к

Конечно. Но опять же: а куда дачников девать? Деревенские священники всегда ждут, когда приедут на летние каникулы дети, а с ними родители, и бабушки, и дедушки. Это для них как раз «страдная пора». И все эти дачники на достаточно долгое время (многие иногда на целый сезон, на три месяца) становятся членами прихода. Причём не просто молятся и свечечки приобретают, но и как-то помогают батюшке, входят с ним в те или иные взаимоотношения, читают, поют на службах.

И моё становление совершалось в таком деревенском храме. Как только я крестился (это было в 1981 году), я поехал в д. Спас-Прогнань, там похоронен местнопочитаемый святой Амвросий Балабановский¹. И я туда ежегодно ездил. Там менялись батюшки, но у меня со всеми складывались личные взаимоотношения и всегда осуществлялся какой-то диалог. Это была ежегодная ступенька

служению. В 1942 году, после того как храм в Иклинском сгорел во время бомбежки, отца Амвросия назначили священником в Преображенскую церковь села Спас-Прогнань близ станции Балабаново, где он служил 36 лет до самой своей кончины. На приходе он во всем старался следовать духовным обычаям и традициям Оптиной Пустыни. Основал тайный женский монастырь в миру, совершил более 800 постригов.

Храм Преображения Господня в с. Спас-Прогнань

в моей духовной церковной жизни. Конечно, я не считался их прихожанином. Но в то же время сказать, что я никакого отношения к их приходу не имел, совершенно невозможно. Вот ситуация прихода. Там нет определённости, и он во все стороны открыт. Это и минус его, и плюс.

Сейчас часто говорится о строительстве приходских общин именно как общин...

Считается, что община на приходе – это те, кто там работает. Но у меня давно вопрос по этому поводу: это ли ядро общины? Конечно, теми, кто работает в храме, надо очень дорожить, как и любимыми работниками. Но ядро прихода, как правило, это всё-таки не те, кто занимает ту или иную должность, а те, кого отличает устремлённость в церковную жизнь. А она может быть у тех, кто работает, а может быть и у тех, кто вообще никак не помогает в храме, но не мыслит себя без этого прихода. Они пока никак себя не выявляют в хозяйственной или в просветительской жизни – вкуса, скажем, к этому нет. Но они во всём стремятся участвовать. И они в большей степени ядро, потому, что прямо и непосредственно устремлены как бы на «точку всхода».

Мне кажется, в восприятии прихода осталось много неосознаваемых нами больных воспоминаний, травм, унаследованных от советского времени, когда старосты зачастую были агентами спецслужб и противостояли священникам.

В советское время вообще все старосты храмов, во всяком случае, в 1960–1980-е, были ставленниками Моссовета. Они были функционерами и обязаны были, например, подавать списки тех, кто принял крещение. Ведь за свечным ящиком при этом всегда записывали паспортные данные. И старосты отправляли списки этих людей «куда следует», так что вскоре это становилось известно на месте работы или учебы. Они обязаны были это делать. Я этого тогда не знал.

А Вы не договаривались, когда крестились в начале восьмидесятых, сделать это без паспорта? К нам с мужем какая-то бабушка в храме подошла и сказала: «Могу в этом помочь». И меня в Болгарском подворье крестили без паспорта.

Меня крестил отец Георгий Бреев в храме Св. Иоанна Предтечи на Пресне. С ним лично до-

говаривался мой крёстный Юра Тимрот. Я только потом узнал, что «советский» порядок учёта по паспорту при этом обошли. У меня в то время отец был зав. общей кафедрой истории КПСС гуманитарных факультетов МГУ. Если бы там стало известно о моём крещении, это был просто шок! Тем более что на него и так писали доносы. Свои же...

Страх был даже тогда, в сравнительно мягкие времена, очень силён. Помню, когда мы с мужем поставили в своей комнате иконы, мои родители очень испугались: «Вы подумали, что будет с папой?! Ведь он на руководящей должности!» А он был вовсе не идеологический работник, а беспартийный заведующий лабораторией в научно-исследовательском техническом институте...

Время такое было. Это не просто какие-то моменты плохой советской власти или хороших и плохих людей. Здесь сама картина мира могла поломаться. Даже не неприятности на работе страшили, а совершенная неготовность людей к тому, что его родной человек вдруг говорит о Боге и вере. «Откуда это прилетело, откуда он вдруг узнал?!» Вот и у нас так получилось...

У человека уже был определённый алгоритм – кому и чему он отдавал свою жизнь, кому и чему он служил. И когда он вдруг сталкивался с чем-то иным, это воспринималось чуть ли не как предательство. Для того, чтобы поменялось что-то, всегда нужна некая постепенность.

И чем это закончилось в Вашей семье?

На самом деле в итоге это кончилось благом, совершился максимум того, что могло бы произойти – отец мою семью принял именно как христианскую. И меня он принял в конце концов не только как христианина, а как священника. Произошло примирение. Мы к тому времени жили в разных районах Москвы, и я уже несколько лет был священником. Помню, мы просто приехали на следующий день Нового года отпраздновать его с родителями. А к слову, отец был ранен осколком снаряда на войне, у него лоб так и остался с большой глубокой вмятиной на всю жизнь. И

я ему сказал: «Папа, я раны твои целую, но иду своим путём. И это согласно моей совести». Он всё мужественно молча выслушал, потом налил в фужеры шампанское, и мы выпили. Он вообще в этом смысле был очень деликатным человеком. И после этого он никогда со мной не спорил, не дискутировал, и никогда мы с ним по этому поводу не ссорились. Вообще, учитывая его безусловную идеологическую приверженность, для меня это было примером великодушия и чрезвычайно значимо, т. к. я его очень люблю.

Знаете, кто-то (мне кажется, Аверинцев) говорил, что некоторые атеисты начала XX века были большими христианами, чем многие нынешние неофиты...

Я с этим безусловно согласен, прежде всего потому, что многих из них отличала жертвенность в служении. Понимаете, у того поколения опыт жизни был ещё тот, который сформировал их родителей, т. е. у них была ещё некая инерция смирения по воспитанию. Но она именно по воспитанию была, а не по вере. Поэтому нам они уже сообщить её не смогли. Это и невозможно без Бога.

Отец, вообще, был хороший человек, семьянин, верный, ответственный во всём, хотя и гордый, властный, безусловно. Но вот интересно, когда мы все вместе приходили на кладбище, приводили раз в год могилу в порядок, меня, тогда ребёнка, всегда шокировало – как же это, бабушки-то уже в живых нет, а он перед фото на могильном камне кланяется и прощается: «До свидания, мама». Нас с моим братом поражала эта безусловная почтительность и то, что бабушки, вроде бы, не существует уже для него как атеиста, так кому он это говорит? Что это он делает, что с нашим отцом? Это уже потом мы осознали всё, когда взрослыми стали.

Получается, что и он вас отчасти воспитывал в вере.

Получается, что так. Это и был образ веры, очень своеобразный, совершенно непонятный для нас тогда и как бы повисающий в воздухе. Но мне это ещё ребёнком очень запомнилось... а сейчас просто трогает. **КФ**

Противостояние многотысячных армий

К началу 1919 года преимущественно «добровольческий» период гражданской войны постепенно сменился войной более «регулярной»

Мы продолжаем публикации о событиях столетней давности.

Очередной обзор трёх месяцев гражданской войны, с которых прошло ровно сто лет, подготовила Александра Колымагина

С «красной» стороны весь 1918 год последовательно выходили декреты о создании Красной армии, о воинской повинности, о карах за уклонение от призыва, которое характеризовалось как дезертирство (15 января, 14 февраля, 24 апреля, 10 июля, 20 июля, 29 июля, 25 декабря). В начале сентября был создан центральный орган управления вооружёнными силами красных – Революционный военный совет республики (РВСР)¹. 22 сентября последовал приказ о призыве в Рабоче-крестьянскую красную армию (РККА) рабочих и крестьян пяти возрастов (1897–1893 гг. рождения). В ноябре 1918 г. публикуется приказ РВСР о призыве всех бывших обер-офицеров в возрасте до 50 лет, штабных офицеров до 55 лет и генералов до 60 лет. И это при том, что по данным на 15 сентября 1918 года в Красной армии числилось уже свыше 450 тысяч человек, не считая тыловых и вспомогательных войск, составлявших около 95 тысяч².

Осень 1918 года – это время, когда набор добровольцев сменяется организованным призывом и у белых: в Сибирской армии и в Добровольческой армии, которая вскоре, объединившись с Донской и Кубанской, образует Вооружённые силы Юга России (ВСЮР). В результате Сибирская армия выросла почти до 200 тысяч, а Добровольческая – до 40 тысяч человек.

Таким образом, к зиме 1918–1919 года друг другу противостояли уже не малочисленные добровольцы, а многотысячные армии. «Белой» стороне очень не хватало единства, но она понимала эту проблему и стремилась к её решению³.

¹ Вот как отзывался об этом решении глава РВС Троцкий: «Только после установления общего оперативного руководства и строгого исполнения боевых приказов, идущего сверху вниз, все почувствовали на деле... огромное преимущество централизованной армии над партизанством и кустарничеством».

² К концу 1919 года РККА насчитывала 3 млн чел., к осени 1920 года – 5,5 млн чел.

³ Формально было преодолено двоеначалие на Юге России: 26 декабря 1918 г. был издан приказ главнокомандующего Добровольческой армии ген. А.И. Деникина: «По соглашению

Призыв в армию Колчака в Сибири прошёл успешно, но силы белых в России всё равно в целом были к концу 1918 года как минимум вдвое меньше, чем силы красных

Конечно, картина не была такой отчётливой, как на «обычной» войне: «здесь – свои, там – враги». Множество людей переходило с одной стороны на другую (а иногда потом и обратно). Кроме этого, повсеместно сражались то на одной, то на другой стороне, а чаще всего «против всех» многочисленные банды.

Влияние «иностранный фактора» в это время становится меньше; на событиях гражданской войны отра-

с атаманами Всевеликого войска Донского и Кубанского, сего числа я вступил в командование всеми сухопутными и морскими силами, действующими на Юге России». За ним последовал приказ Донского атамана (которым в то время был Краснов): «Объявляя этот приказ донским армиям, подтверждаю, что по соглашению моему с главнокомандующим Вооружёнными Силами на Юге России, генерал-лейтенантом Деникиным, конституция Войска Донского... нарушена не будет... Единое командование есть своевременная и необходимая ныне мера для достижения полной и быстрой победы в борьбе с большевиками».

жается это уменьшение. Окончание боевых действий Первой мировой войны в ноябре 1918 года и отход немцев по настоянию Антанты с территорий, отданных им большевиками по «Брестскому миру» (прежде всего из Украины и Прибалтики) приводит к изменению соотношения сил на северо-западе, западе и юго-западе бывшей Российской империи в пользу большевиков. Меньшую роль начинает играть в событиях чехословацкий корпус, в котором сильны эсеровские настроения (а значит, обида на военный переворот, в результате которого свергнуто эсеровское правительство в Омске и Верховным правителем России и главой антибольшевистского сопротивления в Сибири становится адмирал Колчак). Авансы, которые делают страны Антанты в отношении бывшего союзника (и которые практически не подкрепляются никакими определёнными действиями в поддержку белого движения) приводят к неоправданым иллюзиям, а значит, разочарованиям и ослаблению некоторых частей⁴.

СЕВЕРО-ЗАПАД

К началу января 1919 года части Красной армии заняли значительную часть территории Эстонии и стояли в 35 километрах от Ревеля. 7 января началось совместное контрнаступление вооружённых сил Эстонской Республики и русского Псковского добровольческого корпуса. В результате контрнаступления уже через неделю был взят город Юрьев, а 19 января – Нарва, бывшая временной столицей Эстляндской трудовой коммуны.

Попытки контрнаступления, предпринятые частями Красной армии в феврале и апреле 1919 года, не увенчались успехом.

ЗАПАД

На Украине РККА в декабре 1918 – январе 1919 гг. заняла Харьков, Полтаву, Екатеринослав, 5 февраля 1919 года – Киев. Остатки войск Петлюры (занявшего Киев в декабре после ухода немцев) отошли в район Каменец-Подольска.

ЮГО-ЗАПАД

В начале декабря Деникин перебросил 3-ю дивизию

генерала Май-Маевского с бронепоездами, броневиками и авиационными отрядами от Ставрополя в район Юзовки для прикрытия Каменноугольного района и обеспечения левого фланга Донской армии. Май-Маевский попал в чрезвычайно сложную военную и политическую обстановку в районе, где перемещались повстанческие отряды Махно, Зубкова, Иванько и другие, петлюровские атаманы, советские войска группы Кожевникова и, наконец, застрявшие немецкие эшелоны. Настроения среди казаков были крайне противоречивы. «Кубанские самостийники подымали сильную агитацию против “вторжения на территорию Украины”; донской атаман настойчиво добивался наступления отряда на Харьков, взятый большевиками 21 декабря, и занятия северных границ Украины; а Май-Маевский в течение двух месяцев со своими 2½, потом 4½ тысячами штыков, с огромным напряжением и упорством едва отбивался от Махно, петлюровцев и двух дивизий большевиков», – вспоминает А.И. Деникин. Одни и те же отряды перебрасывались вдоль линии железной дороги, отдыхая только во время хода поезда; этим создавалось впечатление, что вся линия фронта закрыта силами белых, хотя на самом деле сил этих было очень немного. В январе была переброшена на усиление Май-Маевского ещё одна добровольческая дивизия, жестоко пострадавшая в боях под Ставрополем и не имевшая отдыха.

Насколько это направление было важным для красных, говорят слова Троцкого: «Донецкий фронт является сейчас, без всякого сомнения, важнейшим фронтом для всех советских республик. Говоря это, я не забываю о Петроградском фронте, но вполне сознательно считаю, что потеря Петрограда не была бы для нас так тяжка, как длительная потеря Донецкого бассейна. Поскольку советская республика является сейчас крепостью мировой революции, постольку можно сказать, что ключ этой крепости находится сейчас в Донецком бассейне. Вот почему всё внимание сосредоточивается сейчас на этом участке обширнейшего фронта советской республики».

ЮГ

Весь ноябрь и декабрь на огромном фронте от Луганска до Царицына, от Царицына до Маныча Дон-

⁴ Генерал Деникин вспоминает: «Десант в Новороссийске не появился, а взамен того вскоре начали высаживаться небольшие части союзников в Одессе, Севастополе и Батуме. На мои телеграммы генералу Франше д'Эспере ответов не поступило. Англичане были положительнее и откровеннее: на мою телеграфную просьбу в Батум генералу Уоккеру о необходимости оказать “немедленную моральную помощь

Дону, которая могла бы выразиться в присылке на Донской фронт (хотя бы) двух-трех английских батальонов”, генерал Мильн выразил “крайнее сожаление, что указания, полученные (им) от великобританского правительства, не дают (ему) права выслать (мне) войска”...» В воспоминаниях Деникина можно прочитать и о том, что ВСЮР не получил от союзников ни копейки денег (не было отказа только при поставке патронов).

ская армия неизменно одерживала верх, брала тысячи пленных и богатую военную добычу. Донские полки доходили до Елани и Камышина. Это наступление, прервав железнодорожную связь между Повориным и Царицыным, поставило в критическое положение советскую 10-ю армию, вследствие прекращения навигации по Волге оставшуюся без подвоза. Точно так же успешно отражались все настойчивые атаки красных на царицынском направлении, и войска генерала Мамонтова, с конца ноября сами перейдя в наступление, к 5 января подошли вплотную к Царицыну.

Но казаки, фактически одержавшие стратегическую победу, не устояли перед советской пропагандой, прежде всего перед обещаниями советской власти сохранить казачий уклад и уверениями в тщетности надежд на иностранную помощь. В конце декабря сначала один донской полк предался на сторону красных, потом несколько станиц, и войска Верхне-Донского округа заключили мир с большевиками и начали расходиться по домам. К концу января Донская армия на Северном и Северо-Восточном фронте отхлынула за Дон. «Прекрасно вооружённые, снабжённые пулемётами и пушками отряды наши, — говорил атаман Краснов, — уходят без боя в глубь страны, оставляя хутора и станицы на поругание врагу. Теперь сдаются на милость красной сволочи целыми сотнями и с нею вместе идут избивать своих отцов и братьев. Теперь арестовывают офицеров и старших начальников, выдают их на расстрел красным и тем подрывают в них веру в казаков и лишают их необходимого мужества...»

К февралю на севере Донской фронт представлял из себя неопределённую прерывчатую линию, шедшую от Луганска через Миллерово в общем направлении на Царицын. Ещё в середине января насчитывавшая до 40 тысяч Донская армия таяла с каждым днем. В начале февраля на казачьем круге была принята отставка атамана Краснова. Новым атаманом был избран генерал А.П. Богаевский.

Тем временем Добровольческая армия (вторая из основных боевых сил белых на Юге России) добилась к январю 1919 года решительного перелома хода военных действий в свою пользу. 23 января она взяла Грозный, 29-го — Владикавказ. Командующим её силами стал к этому времени генерал барон Врангель (Деникин после объединения всех Вооружённых сил Юга России стал Верховным главнокомандующим ВСЮР). Назначение Врангеля произошло несмотря на то, что он был

Для борьбы с уклонением от призыва во всех армиях использовались не только плакаты, но и достаточно суровые карательные меры

моложе других корпусных командиров и только недавно вступил в ряды Добровольческой армии.

В целом все силы ВСЮР насчитывали к этому времени около 40–50 тысяч человек. По подсчётам генерала Деникина, в соприкосновении с этими войсками «советских войск было около 80 тысяч и грузин — 3–4 тысячи».

Одна из особенностей этого периода войны — большое количество пленных (т. е. бывших красных) в строю белых. «Иногда ввиду больших потерь процент пленных в строю доходил до 60. Большая часть из них (до 70 процентов) сражались хорошо, 10 процентов пользовались первыми же боями, чтобы перейти к большевикам, и 20 процентов составляли элемент, под разными предложениями уклоняющийся от боёв», — пишет Деникин.

ВОСТОК

В декабре 1918 года в Омске была запланирована и осуществлена радикальная реорганизация военного командования: для оперативного управления была образована Ставка Верховного Главнокомандующего адмирала А.В. Колчака. 24 декабря 1918 года войска фронта были разделены на Сибирскую, Западную и Оренбургскую отдельные армии, в оперативном подчинении ставки находилась также Уральская отдельная армия.

С наступлением зимы на северном участке боевых действий — участке Екатеринбургской группы (позднее Сибирская армия) — 24 декабря 1918 года Русская армия взяла Пермь, что для красных было сопряжено с тяжёлыми потерями («Пермская катастрофа»). Однако на центральном и южном участках красными были взяты Уфа (31 декабря 1918 года) и Оренбург (22 января 1919 года).

К весне 1919 года состав группировавшихся вокруг ставки Колчака войск белых увеличился до 400 тыс. человек. Однако общая численность РККА тем временем возросла до 1,5 млн человек, и значительная часть этих полутора миллионов воевала именно на Восточном фронте... **КФ**

Настоящих белых было слишком мало

Интервью с журналистом, телеведущим Феликсом Вельевичем Разумовским

Беседовала Александра Колымагина. Фото с сайта телевизионного канала «Культура»

Почему в ходе гражданской войны красные всё время набирали больше людей? Ведь в конечном счете Красная армия задавила Белую в основном количеством.

Дело в том, что основа гражданской войны, её фундамент, вернее, её главная пружина – это раскол Русского мира. Разделение нации на «белую» и «чёрную» кость. Мы не смогли преодолеть последствия неудачной европеизации, расколовшей Русский мир на европеизированную верхушку и основную традиционную часть. Большевики этим воспользовались. Они действовали очень

расчётливо (Ленин, конечно, совершенно гениальный политик, тут ему нельзя отказать в изощрённости), и сделали ставку на эту традиционную и полутрадиционную «чёрную кость».

Для того, чтобы понять, в каком состоянии было традиционное русское сознание, надо прочесть, скажем, «Жизнь «Ивана»» О.П. Семёновой-Тянь-Шанской. Так вот, с «Иванами» было уже не всё благополучно. Дело в том, что если элита утрачивает национальный характер (а именно такой была в значительной степени в последние столетия русская элита), начинается неизбежная деградация крестьянской массы. И русское культурное пространство неизбежно разваливается.

То есть элита не может воздействовать на остальную часть народа?

Ну конечно! Они друг друга не понимают. Более того, попытка взаимодействия вызывает раздражение, протест. Страна погружается в смуту, элита уступает место контрэлите или, попросту говоря, самозванцам. Лидеры большевиков – это типичные самозванцы.

Возвращаясь к вопросу о том, почему «красных» было больше: «белые» даже не смогли сформулировать программу своих действий!

Но у них всё-таки был очень чёткий внутренний тезис: «ради чести Родины мы готовы даже погибнуть» (они же видели, что их меньше, а значит, они обречены). Вот, например,

Иван Савин. Он был на четверть грек, на четверть финн, наполовину молдаванин и при этом совершенно русский человек, обострённо чувствующий невыносимую боль за уничтожаемую Родину. До самого конца, до самой своей смерти. Если читать его стихи, вряд ли возможно согласиться, что в этом представителе элиты нет русского самосознания.

Вы понимаете, стихи – это совершенно особое богочеловеческое действие. Что говорить? Вот Марина Цветаева: эмансипированная женщина, чем она занималась в Москве 1917–1918 годов, всем хорошо известно. И вдруг она пишет «Лебединый стан», вообще весь этот цикл:

*Кто уцелел – умрёт, кто мёртв – воспрянет.
И вот потомки, вспомнив старину:
– Где были вы? – Вопрос как громом грянет,
Ответ как громом грянет: – На Дону!*

Её стихи того времени – лучшее и точнейшее осмысление в литературе белой борьбы.

Так когда они вышли за что-то сражаться, у них всё-таки возникло то самое русское самосознание, об отсутствии которого Вы говорите?

Сложный вопрос. После захвата власти большевиками у кого-то (не у всех!) наступает отрезвление. Но ведь этого мало. В конце концов, политику никто не отменял. Надо было выйти и вместо детского лепета о непред-

решенчестве сказать, за что они, чего они хотят...

Но как они могли это сказать, когда среди них, с одной стороны, был монархист Дроздовский, а с другой — эсеры вплоть до левых? На чём они могли собраться?

Ну, вот видите...

И при этом то, о чём они говорят, эмоционально на самом деле даже сейчас очень разительно: постоять за честь Родины, не дать её оплевать, не дать её растоптать! Может быть, это значимо лишь для небольшого круга людей?

К величайшему сожалению, эти люди (а кроме них вообще не было никого) находились в очень шатком духовном и культурном состоянии. Тех, кто абсолютно точно отвечал своей задаче, были единицы. Например, генерал Марков; это тип капитана Тушина, генерал, за которым просто шли. Или капитан Иванов, которого убило шальной шрапнелью во время Московского наступления под Орлом. Солдаты везли его тело в цинковом гробу, чтобы похоронить, чтобы оно не досталось большевикам. Но таких людей, имевших внутренний дар патриотического горения, было немного. Это особый дар. А так никто не отменяет ни мировоззрения, ни культурного опыта. Но если посмотреть, в каком состоянии всё это находилось... Вы уже сказали о том, что в Белой армии была масса вчерашних социалистов. Разве это полно-

ценная национальная элита? Где князья Пожарские, которые могут повести за собой нацию? (Да и с ним было не так всё просто, как вы знаете. Пришлось первое время мириться с первым [криминальным!] казачьим ополчением князя Трубецкого.)

В начале XX века живая связь между элитой и народом была разрушена. Весь XIX век те, кто видел эту проблему, пытались её решить. Собственно, поздний Пушкин весь поглощён этой идеей (его, конечно, никто не понял). Достоевский ради этого пишет «Дневник писателя», чтобы просто объяснить русскую жизнь не через художественные произведения, где у каждого своё понимание, а абсолютно напрямую. Но и это не подействовало.

Что же нам делать с этим знанием теперь, через сто лет? Национальной элиты теперь уже совсем нет, народа тоже почти что нет. Что-то должно измениться. Может быть, со стороны Церкви?

Не стоит предаваться иллюзиям: у нас сейчас секулярное общество. Для Церкви важно, чтобы голос её был весом, аргументирован, уважаем, но он уже заведомо не может быть единственным. Уже в XIX веке тип русской святости трансформировался в тип национального поэта, который становится отцом нации. А сейчас — о чём говорить. Мы себя вообще не знаем. Можно было бы потратить полтора часа и начать основательно размышлять о сму-

те XVII века. (Это поучительный пример.) Почему вдруг смута? Ну не из-за голода же, который был при Борисе Годунове. Совершенно по другим причинам. Ну, а гражданская война... Почти 30 лет уже прошло после конца советского режима. А мы не продвинулись даже в понимании гражданской войны, в понимании революции. И образование здесь чаще всего не играет роли, оно остается мёртвым. Доктора наук говорят какие-то банальности...

Более того, в информационном поле множество смешений, а то и откровенной лжи, каких-то передергиваний. Как людям в этом ориентироваться? Получается, идеологическая победа красных продолжается до сих пор...

Они эту победу оформили в искусстве. Достаточно вспомнить одних лишь «Неуловимых мстителей»... А что сделано нами за последние 25 лет? Появилось ли хоть сколько-нибудь значимое национальное историческое кино (настоящее, а не какая-нибудь «Матильда»)? У поляков каждая историческая эпоха оформлена в профессионально сделанный кинематографический миф. Мы же (и не только в этом) 25 лет потратили ни на что. Выбросили на то, что кто-то съездил в Европу, а кто-то получил удовольствие от того, что нет райкома партии. Но для национальной жизни это совершенно потерянное время, безвременье. **КФ**

Путь к совершенству

Окончание¹ интервью с архимандритом Нафанаилом (Присэкару), насельником монастыря вмч. Иакова Персиянина в молдавском селе Сирец

Беседовали Юлия Патракова, Елена-Алина Патракова, Игорь Бурдиенко

Отец Нафанаил, Вы упомянули духовное просвещение, издание книг как служения монастыря. В связи с этим вопрос: нужно ли самим монашествующим духовное образование? Как вообще сегодня обстоит дело с образованием в монастырях?

Поступающему в монастырь нужно хотя бы семинарское образование. В Кишинёвской митрополии митрополит Владимир (Кантарян) призывает к тому, что для монахов как минимум нужно семинарское образование, получение начальных богословских знаний. Конечно, сегодня в информационном веке без образования не обойтись. Любому человеку, готовящемуся стать монахом, мало 9-ти классов образования, он должен учиться дальше, начиная с семинарии. Есть много вопросов у мирских людей, приходящих в монастырь за духовным советом, и как будешь отвечать на них? Например, паломники зададут вопрос по иконе или какой-то другой, а у тебя элементарных знаний нет. Этим можно кого-то смутить.

Образование необходимо монахам, тем более священникам, служащим в монастырях, и ещё более наместникам и так далее. Скажем, в Румынской православной церкви это требование обязательно. Если ты поставлен в должности наместника монастыря, у тебя должно быть высшее богословское образование, а в последние годы даже просят окончить магистратуру. И, вы знаете, такое общее церковное требование помогает.

Бывает, конечно, что люди возносятся, гордятся своим умом, образованностью. Но учиться нужно обязательно, нужно искать ответы. Тем более, что сейчас столько книг интересных есть, столько вещей необходимо познать.

Удаётся ли в вашем монастыре реализовать то, что Вы говорите о необходимости образования для монахов?

Да. Нас здесь восемь человек, все окончили семинарию. Кто-то сейчас заочно учится в духовной академии. Конечно, мы к этому стремимся обязательно.

Мы уже говорили об общем призвании христиан, будь то монахи или христиане, живущие в миру. Какие Вы видите возможности сегодня или в будущем, в перспективе, для того, чтобы служение Богу монахов и «обычных» христиан было общим или в каких-то точках пересекалось? Есть ли такие возможности вместе служить Богу, в каких формах это может быть? Конечно, мы хорошо понимаем, что есть определённый христианский путь, Божье призвание, есть границы пути и служения. И все же — мы в одной Церкви, и, как Вы думаете, есть ли такая нужда, чтобы была явлена общая жизнь всех христиан, и как это может быть? Может быть, она проявляется в какие-то особые моменты жизни, истории?

Даже если общение между монашествующими и мирянами происходит не прямо, есть и другие возможности. Например, для меня великая радость, что издано много книг, в которых известные афонские монахи-старцы, наши современники или жившие в недавнем прошлом, описывают свой духовный опыт и этим могут помогать. Знаю другие моменты, когда духовники из монашествующих встречаются с церковными общинами, проводят разного рода встречи (например, круглые столы), разъясняют разные духовные ситуации.

¹ Начало в № 11(243), ноябрь 2018 г. Интервью было взято в рамках подготовки дискуссионной площадки «Современное

христианское иночество: жизнь в миру или выход из мира» (фестиваль «Преображенские встречи», 2018 г.).

Старец Иосиф Исихаст (1897–1959)

Думаю, это самое важное. Миряне нуждаются в духовном совете, чтобы ответить на главный вопрос – как правильно идти по христианскому пути. Остальное они могут решить самостоятельно.

Как может пересекаться церковная жизнь монахов и мирян? Вот вы в августе будете участвовать в Преображенском фестивале в Москве и размышлять над данной темой. Можно назвать это одним из подобных пересечений. Или вот из нашего монастыря, который находится в населённом пункте, селе Сирец, монахи-священники преподают в местной школе, знают и любят детей. Мы с ними общаемся, узнаем их семьи, нужды и реагируем на них. Я говорю про наш опыт. Может быть, в других местах есть иные формы служения или пересечения. Наверняка есть. Еще, например, в монастырях, если есть хорошие певцы с музыкальным образованием, они могут делиться музыкальными дарами с людьми, у них можно учиться, вдохновляться красивым пением.

Какие Вы видите проблемы в сегодняшней жизни монахов, монастырей? Нужно ли что-то менять?

Да, в монастырях есть проблемы. Люди, которые сегодня приходят в монашество, недостаточно понимают цель своего прихода и красоту монашеской жизни. Может быть, они и прочитали что-то о ней, но чтобы достичь её красоты, нужно трудиться, обязательно трудиться. Я замечаю, что существует огромная разница между поколениями, слишком различно понимание.

Итак, первая проблема – молодым людям труднодоступно понимание цели монашества. Поэтому, чтобы жизнь монашествующих была более качественной, нужно очень хорошо их испытывать, нужно правильно объяснять цель. Требуется длительный испытательный срок. Считаю, что не надо постригать слишком быстро. Особенно необходим подготовительный диалог с духовно старшим, чтобы молодой человек понял, что означает монашество, для чего оно и к чему ведёт, какая в нём настоящая красота. Ему нужна возможность увидеть пример жизни достойных монахов.

Вторую проблему, наверное, знают все: информационные технологии «закрались» и в мона-

стыри. Конечно, это большая помощь и средства, благодаря которым можно решить много дел. Но иногда такое вмешательство становится чрезмерным, нарушает необходимые границы монашеской жизни. Иногда оно даже становится опасностью, искушением, когда приходят мысли: я знаю, я очень проинформирован. Происходит подмена, когда кажется, что обладаешь многими знаниями и ими спасёшься, – такие мысли лукавы. Мы не спасаемся множеством знаний, нас спасает благодать. Да, знания нужны, но нужно смирение. Если Бог мне дал этот дар, зачем мне возноситься? Знания нужны как средство, а не цель, и когда люди воспринимают это наоборот, происходит подмена.

Например, мне очень понравилось то, что я видел в нескольких греческих монастырях; не знаю, есть ли это во всей Греции. Монастырям нужны часы уединения, и я с этим согласен. Просто ворота закрываются, и всё. Я был потрясен, когда увидел расписание: с такого-то часа монастырь закрыт. Мы привыкли, что в наш монастырь можно войти в любой момент, поклониться, храм всегда открыт. А там – нет. Думаю, что это правильно. Старец Иосиф Исихаст говорил в ответ на вопросы послушников из его братства о том, почему ворота закрываем, как бы не проявляем любовь к ближнему: «У людей есть неисчерпаемое количество поводов приходить и беспокоить нас, но если мы не будем тщиться о своём подвиге, никто за нас это не сделает». Думаю, что если монахам таким правилом руководствоваться, польза будет и в XXI веке.

Монастырь должен быть как столп, и нам стоит придерживаться правил, унаследованных от наших отцов. Именно это поможет. Есть опасность секуляризации. Не нужно считать, что раз мы живем в XXI веке, то следует угождать ненужным вещам.

Я не согласен, когда в монастырях устанавливают какие-нибудь кофейные аппараты, продают булочки... Монастырь превращается в какой-то базарчик или гостиницу. Нужно хранить трезвенность. Враг человеческий не спит и хочет нас ввести в смерть, и особенно сейчас монашествующим необходимо иметь чаяние, старание, внимательность.

Приведу рассказ из Патерика. Молодому взволнованному послушнику старец говорит: «Успокойся, пойдёшь в уединение и там помолитесь, и всё придёт в норму». Но послушник этому совету не последовал. Желая преподать урок, старец говорит ему: «Возьми стакан, пойдёшь к источнику и принеси воды». Тот принес, и вода была мутная, с песком, примесями. Старец спросил, может ли монах что-то увидеть сквозь стакан? Нет. Они посидели, поговорили, муть в стакане осела, вода стала прозрачной, и сквозь неё можно было видеть. Так и с умом человека: если он не будет пребывать в тишине хотя бы краткое время, у него будет в голове всё хаотично вертеться, будет мутно.

Полагаю, что в потоке информации, в условиях «бомбардировки» нашего ума трудно видеть вещи правильно. Мы нуждаемся в особых часах в течение дня, когда можно спокойно отключить телефон, телевизор и т. п. и уйти в себя, спокойно посидеть, помолиться, почитать что-то.

Говоря о церковных проблемах, невозможно не вспомнить о таком больном явлении как фундаментализм и обо всём, что мешает церковному просвещению. Насколько эта проблема касается монастырей?

Да, бывают радикальные явления и в монастырях, когда маленькие сообщества начинают озвучивать нехристианские вещи. Есть и такое. В моём опыте было, что приходили люди, заражённые ложными духами и опытом, и приходилось с большим трудом их оттуда извлекать. Это действует, к сожалению, как программа внутри человека. Он понимает, что я объясняю, а вот из себя извлечь и выкинуть не может. Помогает духовному исцелению исповедь, проповедь.

К сожалению, подобные печальные вещи бывают и в монастырях, и на приходах. Надо сказать, что

пока не удаётся с ними справиться. Очень мало хороших священников, хороших духовников. Хочется много сделать, но нет пока физической возможности. Если же такая возможность появляется, то помогать людям, конечно, нужно, и действовать не просто от себя. Помощь заключается в том, чтобы давать советы в соответствии с православной традицией и наследием наших святых отцов.

Немало людей, к сожалению, попадают под ложное влияние. И эта болезнь распространяется, если её не лечить. Ведь люди живут в семьях, в родственных сообществах, и если духовно не помочь человеку, то он и будет вносить раздор вокруг себя. Важно помочь вылечить такую рану, хоть и трудно.

Скажем, у нас в Молдове одна из подобных болезней – люди очень верят в порчу. Это страшно. Говоришь такому «верующему»: «Ты ведь христианин, ты исповедуешься, ты причастился Христовых Тайн. Чего ты боишься? Неужели думаешь, что у Христа нет силы тебе помочь?» Сколько ни говоришь, а такой человек повторяет, что ему порча навредила, и всё тут. Когда пробуешь с ним говорить о Христе, становится очевидным, что настоящей веры в Него нет, в таком сознании Христос воспринимается немощным, а вот дьявол со своим инструментарием как будто всех покорил. Как будто Христос остаётся для человека нереальным, на уровне теории, а живого общения нет. Ты же причастился сегодня Христовых Тайн, о чём ещё нужно переживать, кроме благодарственных молитв?! Читай их сотни раз и пребывай в радости, благодари Бога, что сподобил тебя причастия! На протяжении многих лет встречаюсь с данной проблемой и понимаю, насколько сложно исправлять такую внутреннюю программу.

Да, работы много. Малыми силами приходится трудиться.

Вы знаете, как свт. Лука (Войно-Ясенецкий) пришёл к священству? Однажды он прочитал или услышал в храме место из Евангелия, когда Спаситель говорит: «Жатвы много, а делателей мало. Молите Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою» (Мф 9:37). Это слово глубоко проникло в его душу: как, у Господа нет работников? Не может быть! И когда архиеп. Иннокентий (Пустынский) ему

предложил стать священником, будущий свт. Лука, не сомневаясь, решился: «Буду священником, если это угодно Богу». Да, работников мало.

Как мы знаем, прп. Паисий Величковский, святой покровитель нашего братства, собрал большое монашеское братство. Мы читали у прп. Паисия, что он считал общую жизнь для монахов очень важной. С одной стороны, само слово «монах» происходит от корня «один», «монос», и с другой стороны – важна общая жизнь. Каким Вы видите значение жизни в общине, в братстве, братской помощи? Есть ли у вас община в монастыре? Какое у неё служение, что она значит в жизни каждого монаха?

Общинное житие, как говорит Добротолюбие, – это золотой путь. Да, монашество зарождалось как путь уединения, один уходил в одну сторону, другой в другую с целью блюсти закон Христов. Но со временем монахи стали собираться в общины.

Что даёт община? Она даёт, прежде всего, чувствовать ближнего, возможность послужить ему, возможность перед ним смириться и его любить. Говорю об этом из своего опыта. У нас маленькая община – восемь человек. Конечно, происходят ежедневные трения и заставляют тебя смиряться. Даже если брат поменьше по возрасту или по сроку пребывания в монастыре, есть возможность ему послужить – его понимать, помогать, советовать. Если один в келье, то, конечно, больше возможности пребывать в молитве, и можно почитать что-то духовное для себя, как бы по своей воле что-то делать. Когда же в общине живёшь, в ежедневных послушаниях, происходит «тёрка» друг о друга, и это помогает исполнять закон любви. Пусть даже такое исполнение несовершенно, но само стремление – хорошо, ты уже в дороге, в пути.

Мы здесь собрались из разных мест: я из Одесской области, наместник наш из Румынии, есть монахи из Украины, из Черновицкой области, есть из Молдовы.

Общинное житие учит нас смиряться, любить и прощать друг друга. В монастырях ежедневно просят друг у друга прощения. Афонские монахи говорят, что нужно у себя на лбу написать слова: «благо-

Сидят: архиепископ Туркестанский и Ташкентский Иннокентий (1868–1937) и будущий святитель Лука, священник Валентин Войно-Ясенецкий (1877–1961)

словите и простите». Эти слова всегда должны быть на ваших устах. Через «благословите» ты даёшь предпочтение своему ближнему, отцу или брату, а прося прощения, указываешь на то, что ты в любви с ним и хочешь пребывать в мире. Этим общинное житие хорошее и благое. Ведь отшельников не было много. Господь нам открыл небольшое число таких подвижников. Они – особые люди, не каждый может нести этот крест.

Сердечно благодарим Вас за беседу. Наше Паисиевское братство не один раз приезжало в ваш монастырь, и всегда братья и сёстры делились вдохновением от общения с Вами и с братьями-монахами.

Да, общение между христианами – это продолжение евхаристии, communion. Можно сказать, что причастие нас собирает вокруг Тайной Вечери, а далее – продолжение. В монастырях – это трапеза, где собирается братство, читается назидательное слово, все в тишине вкушают пищу. И далее – продолжение, жизнь.

Кстати, есть такой интересный эпизод. В одном из румынских монастырей один брат служил при монастырской больнице. Это было ещё в конце прошлого, XX века. Из-за служения брат не мог часто участвовать в литургии и причащаться. С болью он пришел к духовнику и сказал: «Отец, я не могу так больше, я не участвую ежедневно со всеми в литургии, я не участвую в общении. Как же быть?» Духовник ответил: «Слушай меня внимательно: твоя литургия там, в больнице. Служа ближнему, ты участвуешь и в литургии. Будь там и спасёшься».

Братство в этом смысле – тоже продолжение евхаристии. **КФ**

Русский человек – кто он?

Сегодня, размышляя о возрождении России, русского народа, нам приходится заново искать те черты, которые присущи человеку русскому, а не советскому. Что дорого для русского человека, чем он живет, какими качествами обладает, кому или чему готов служить? Об этом и сегодня задумываются далеко не многие. По мнению отца Георгия Кочеткова, «различение русского и советского – это принципиальный вопрос, а если мы отождест-

вляем одно с другим, значит, забыли, что такое русское, или плохо знаем, что такое советское».

В августе 2018 года на международном православном фестивале «Преображенские встречи» один из круглых столов был посвящён этой теме: «Кто мы: русские, советские...?». Накануне инициаторы площадки задали вопросы о том, кто такой русский человек, разным людям – живущим в разных городах и даже странах, имеющих разные профессии и интересы.

Кто для Вас русский человек?

Ольга Афанасьева, магистр богословия, научный сотрудник Ветковского музея старообрядчества и белорусских традиций им. Ф.Г. Шклярова (Гомель): Русский человек у меня ассоциируется в первую очередь с качеством особенной «распахнутости» души. Не просто «рубаха-парень», который на всё горазд, а с какими-то основополагающими человеческими качествами: с открытостью к людям, с открытостью к миру, с возможностью впитать в себя то лучшее, что предлагают другие люди, не обязательно русские. Также это человек с особенной любовью к своему родному месту, к своей земле. Ещё для русских характерны гостеприимство и чувство ответственности за свой дом.

Евгений Федосов, бакалавр богословия, катехизатор, предприниматель (Воронеж): Вопрос, конечно, интересный... Можно было бы ответить просто, что русский человек – это тот, который родился в России, на той территории, которая сейчас географически

обозначена как Россия. Но, на мой взгляд, этого недостаточно. Русским человеком я бы назвал того человека, который не просто себя соотносит с некой территориальностью, но прежде всего имеет связь с культурой, традициями, существовавшими и существующими здесь на протяжении долгого периода времени, начиная от образования Руси. Русский человек – это тот, кто причастен своей культуре – русской культуре, кто имеет стремление знать свои корни, узнавать их, углубляться в свою традицию. На мой взгляд, важным является ещё и то, что русский человек – это тот, кто стремится обрести своё место в этой жизни, на этой земле, на которой он родился, брать ответственность за это место, жить так, как необходимо жить каждому человеку. Но только, конечно, соотнося себя с такой большой нашей страной, как Россия. Конечно, это патриот. Человек, который готов жертвовать и собой, и своим ради своей страны, ради своего народа. Тот человек, который готов жить вместе с другими людьми, который готов видеть и понимать другого человека, даже если он по национальности и не является русским, но живёт рядом. Русский человек – тот, который всё это в себя вмещает и который не думает только о себе, а думает в целом о всём народе.

Ольга Михайловна Сторожко, директор историко-художественного музея А.С. Хомякова (Тула): Русский человек для меня, безусловно, А.С. Хомяков. Ну а если говорить в

целом о русском человеке... Мне думается, не важно, какой национальности человек. Каждый человек должен нести в себе сохранение традиции своего народа, своего языка, своей культуры. Каким бы он ни был человеком – русским или не русским. У каждого своя вера. Но должна быть приверженность этой вере, следование ей. Также и следование традиции. Но постольку поскольку мы русские люди, значит, должно быть то, что свойственно русскому человеку. Это, прежде всего, духовность, традиции своего народа, язык своего народа, ну и вера своего народа – православная вера.

Наталья Овчарова, член братства во имя свт. Тихона Задонского, коррекционный педагог (Воронеж): Это очень сложный вопрос, потому что сейчас нет русского народа. И для того, чтобы понять, кто такой русский человек, нужно найти этого русского человека, нужно провести ещё маленькое исследование, приложить особое усилие, чтобы прояснить, кто такой русский человек. Я думаю, что русский человек – это не просто тот человек, который живет в России. Этого, конечно, недостаточно. Можно жить в России, но не считать себя русским. Русский человек – это тот, кто любит родную землю и делает всё для того, чтобы она была лучше, была краше, чтобы на ней было жить «хорошо весьма». Я думаю, что русский человек трудолюбив, знает свою историю, знает свою традицию, знает свои корни. Мы недавно были в одной экспедиции с подростками. Мы ездили по Воронежской области и посещали небольшое село Павловка Борисоглебского района. И в Павловке находилось когда-то имение Волконских. Последним владельцем этого имения был внук декабриста Волконского – Сергей Михайлович Волконский. И мы читали его воспоминания об этом имении, его размышления о Родине. И он вспоминал о своей матери, Елизавете Григорьевне Волконской, которая в этом имении разбила очень большой парк, а это было пустынное место до того. Волконский вспоминает, как у его матери десятилетия ушли на то, чтобы перевоспитать крестьян. То, что она сажала, безжалостно выкашивалось, вытаптывалось. Всё просто

крестьянами уничтожалось. И какое-то время ушло на преодоление вот этого варварского отношения к тому, что тебя окружает. И в результате вокруг этого дома Волконских появился чудесный парк с хвойными породами деревьев, с кедрами, которые в общем-то в этом месте не растут. И остатки этого парка мы могли увидеть. Там ещё находятся два больших пруда, которые не пересыхают даже в самую сильную жару. Поэтому ещё одна характеристика русского человека, на мой взгляд, это когда всё делается качественно. Всё делается, можно сказать, на века, чтобы не только ты этим пользовался, но и пользовались твои потомки.

Наталья Ершова, бакалавр богословия, катехизатор, учитель начальных классов: Русский человек – это тот человек, который жил в России или живет в России и любит Россию. Первые, кто приходит в голову в ответ на вопрос, кто такие русские люди – это Толстой, Достоевский, Тургенев, Лесков. Для меня ещё русский человек – это барон Врангель, который сражался за Россию и за русского человека до последнего.

Как вы считаете, русский народ един?

Ольга Афанасьева: С народом всё очень сложно на мой взгляд, как с русским, так и со всеми остальными. Я думаю, что это такой идеал, к которому нам следует стремиться, но когда мы его достигнем, ещё непонятно. Очень многое зависит от каждого, кто включён или считает себя включённым в это сообщество. Если это не сообщество и нет каких-то отдельных связей между людьми, то трудно говорить вообще о народе и о его единстве. Конечно, это можно транслировать как некий лозунг. Но до реального осуществления этого качества нам нужно ещё немало потрудиться, приложить много усилий в этом направлении.

Евгений Федосов: Когда я говорил о русском человеке, конечно, я предполагал, что русские люди должны стремиться к такому качеству жизни, как единство. Но исходя из той реальности, которая нас сегодня окружает, которая очевидна, я бы не сказал, что сейчас люди являют в своей жизни это

Монумент «Тысячелетие России», воздвигнутый в Великом Новгороде в 1862 году в честь тысячелетнего юбилея легендарного призвания варягов на Русь. Памятник расположен напротив Софийского собора (XI в.)

единство. Мы видим, что люди, наоборот, стремятся жить как-то обособленно, каждый думает о себе, о своей семье, что люди слабо стремятся к какой-то консолидации, объединению. А если эта консолидация и существует, то она чаще всего имеет не совсем доброе основание под собой. Поэтому единства не хватает сейчас в нашем обществе. А поэтому, я считаю, не хватает и качества русскости.

Ольга Сторожко: Нет, не един. Определяющее – это духовность и нравственность. А духовность и нравственность и заложены в таких началах, как знание своей истории, знание своей культуры. А сейчас, к сожалению, всё это утрачивается.

Наталья Овчарова: Нет, к сожалению, я так не считаю. Я думаю, что сейчас очень много разобщённости в мире и, в частности, среди русских людей. Конечно, мы можем наблюдать такие примеры единства, как, например, недавно прошедший в России чемпионат мира по футболу. И, конечно, наблюдалось объединение болельщиков вокруг этого события. Но вот он прошёл, и все вернулись к своей обычной жизни, вернулись к своим обычным занятиям, к своим семьям, к своей работе. И этого единства нет. То есть объединение людей в данном случае было временным. Конечно, такие примеры мы можем наблюдать – временного объединения людей.

Наталья Ершова: Нет, не считаю. На сегодняшний день русские люди далеко не едины, несмотря на то, что живут в России и, может быть, даже где-то любят её.

Что сможет нас объединить?

Ольга Афанасьева: Хочется надеяться, что это будут добрые намерения, цели и задачи. Что же может объединить людей? Поскольку я считаю себя человеком верующим, то для меня это в первую очередь что-то выше любой национальности, выше любой культуры, любого социума, а именно вера, церковь, Христос. В этом мы можем обрести некото-

рое единство, причем не только русских людей, но и всех народов в целом, сможем и возродить человечность в людях, так как это давно утраченное качество, и говорить прежде всего нужно об этом. Без восстановления в человеке чего-то человеческого, а значит, и божественного (чести, достоинства, благородства) возродить народ будет очень сложно. Начинать нужно с самого человека.

Евгений Федосов: Объединить нас может вера, прежде всего. И знание своей культуры, своих традиций. Но по-настоящему, конечно, это вера в Бога и обретение подлинной веры в человека.

Ольга Сторожко: Нужно поднимать культуру и приобщать к культуре. Только через это можно достигнуть единства. Потому что культурный человек, мне кажется, – это тот, кто несёт в себе духовность. Даже не важно, какое у него образование – высшее, низшее или вообще нет его. Потому что культурный человек – это духовный человек прежде всего. Это человек, у которого есть определённые ценности – нравственные ценности. И тут уже не важна образовательная часть, просветительская. Это всё придёт, если человек духовный, у него просто будет потребность в образовании.

Наталья Овчарова: Наверное, это любовь к своему отечеству, какое-то общее дело. Не временное, когда люди собираются, скажем, на субботник. Убрали свой двор, какую-то свою территорию, и опять вернулись к своим прежним занятиям. А вот общее дело, которое бы по-настоящему людей объединяло, общее дело на всю жизнь. Вот такого сейчас нет, к сожалению.

Наталья Ершова: Чтобы Россию объединить, чтобы объединить русских людей, наверное, нужно какое-то очень глубокое основание, которое уходит глубоко корнями в историю, особенно историю XX века, когда русский народ был разделён. И чтобы объединить, нужно уметь признавать ошибки, которые были в России. Возможно объединение, наверное, только с помощью Бога. **КФ**

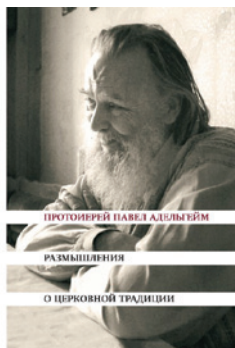

Предание

интернет-магазин
православной литературы

www.predanie.org

Связаться с нами
можно по телефону:
+7 (963) 316-53-93

Книги о вере и Церкви, уникальные исследования о братской и общинной жизни в истории и современности, о трагическом и полном надежды и силы духа опыте новомучеников церкви русской, тексты православного богослужения на русском языке в переводе свящ. Георгия Кочеткова (в том числе в электронном формате), беседы для тех, кто готовится к вступлению в Церковь

Среди наших новинок ранее не издававшиеся книги:
«Ива Эдесский и его время» протопр. Николая Афанасьева, «Евхаристическая экклезиология сегодня», «Хрестоматия по мистагогии», свежие выпуски альманаха СФИ «Свет Христов просвещает всех»

ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

Сбор средств на ремонт часовни
в здании Свято-Филаретовского института

<http://c.sfi.ru>

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Т Е М А

НОВОМУЧЕНИКИ

После того, как 25 января 1918 года был убит митрополит Киевский Владимир (Богоявленский), патриарх Тихон постановил совершать в ближайшее к этому дню воскресенье поминовение «всех усопших в нынешнюю лютую годину гонений исповедников и мучеников». Это решение было подтверждено Поместным собором 1917–1918 гг., но в годы советской власти могло осуществляться лишь тайно. В 1981 году решение о прославлении Собора новомучеников и исповедников Российских XX века было принято в Русской православной церкви Заграницей, а весной 1992 года – на Архиерейском соборе Русской православной церкви. Сегодня в этот собор входит почти 1800 имён – более трети всех святых, чьи имена входят в месяцеслов (а в базе данных ПСТГУ собрана информация о более чем 32 тысячах священнослужителях и мирянах, пострадавших за веру в советские годы, и это далеко не полный список). Однако, по словам известного историка протоиерея Георгия Митрофанова, «собор новомучеников внесен в наш церковный календарь, но это очередной красный день календаря и все! Мы даже не поняли, что произошло, не захотели понять! Ощущение того, что прославление новомучеников – это повод для серьезного критического осмысления нами нашего церковно-исторического пути, многим даже не приходит в голову»...